

ИСТОРИЯ СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЯ СССР

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО НАШИХ ДНЕЙ

В ДВУХ СЕРИЯХ
В ДВЕНАДЦАТИ
ТОМАХ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. ПОНОМАРЕВ (*председатель*)
Ц. П. АГАЯН, [Ш. Б. БАТЫРОВ], Г. А. ВЕЛОВ, Л. Г. БЕС-
КРОВНЫЙ, П. В. ВОЛОВУЕВ, Л. С. ГАПОНЕНКО,
Я. С. ГРОСУЛ, И. А. ГУРЖИЙ, И. А. ГУСЕЙНОВ,
А. А. ДРИЗУЛ, Н. М. ДРУЖИНИН, Ю. И. ЖЮГЖДА,
К. К. КАРАКЕЕВ, М. П. КИМ, И. С. КРАВЧЕНКО,
Д. М. КУКИН, В. А. МААМЯГИ, Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ,
И. И. МИНЦ, И. М. МУМИНОВ, М. В. НЕЧКИНА,
Н. Н. НОВИКОВА, А. Н. НУСУПБЕКОВ, Ю. А. ПОЛЯКОВ,
П. Н. ПОСПЕЛОВ, З. Ш. РАДЖАБОВ, В. А. РЫБАКОВ,
А. М. САМСОНОВ, [М. Н. ТИХОМИРОВ], [А. В. ФАДЕЕВ],
В. М. ХВОСТОВ (*заместитель председателя*)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»-МОСКВА · 1968

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ СССР

ПЕРВАЯ СЕРИЯ
ТОМА I-VI

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ ПЕРВОЙ СЕРИИ:

В. А. РЫБАКОВ (*главный редактор*),
Л. Г. БЕСКРОВНЫЙ (*заместитель главного редактора*)
П. В. ВОЛОВУЕВ (*заместитель главного редактора*),
Я. С. ГРОСУЛ, А. Н. ГУЛИЕВ, Я. Г. ГУЛЯМОВ,
Н. М. ДРУЖИНИН, С. Т. ВРЕМЯН, Ю. И. ЖЮГЖДА,
А. К. КАСИМЕНКО, Х. Х. КРУУС, Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ,
В. Д. МОЧАЛОВ, М. В. НЕЧКИНА, А. Н. НУСУПБЕКОВ,
И. М. ПУШКАРЕВА, З. Ш. РАДЖАБОВ, [А. Л. СИДОРОВ],
[М. Н. ТИХОМИРОВ], [А. В. ФАДЕЕВ] (*заместитель
главного редактора*), Л. В. ЧЕРЕПНИН, [В. И. ШУНКОВ]

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»-МОСКВА · 1968

Для Института
№ 2095

ТОМ V

РАЗВИТИЕ
КАПИТАЛИЗМА
И ПОДЪЕМ
РЕВОЛЮЦИОННОГО
ДВИЖЕНИЯ
В ПОРЕФОРМЕННОЙ
РОССИИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ ТОМА:

С. С. ВОЛК, Ш. М. ЛЕВИН, В. Д. МОЧАЛОВ
(ответственный редактор), А. С. НИФОНТОВ,
А. Ф. СМИРНОВ

1-6-4

подписное издание

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В 80—90-Х ГОДАХ. ОСНОВАНИЕ РСДРП

Конец XIX в. отмечен коренным переломом в общественно-политическом движении России. В течение 80-х годов революционное народничество стало отходить на второй план. В буржуазно-демократическом движении получает преобладание либеральное народничество. С середины 90-х годов начинается новый, пролетарский этап освободительного движения. В России рельефно обозначаются три главные политические силы, выступившие в революциях XX в.: промышленный пролетариат, демократическое крестьянство и либеральная буржуазия.

1

Положение рабочего класса в 80—90-х годах

Первые успехи промышленного капитализма в России, как и в других странах, были куплены ценой беспощадной эксплуатации, страданий и вымирания целых поколений рабочего класса. К. Маркс в первом томе «Капитала» имел все основания констатировать, что на «русской почве, столь обильной всяческими безобразиями, находятся в полном расцвете старые ужасы младенческого периода английской фабричной системы»¹.

Рабочий день
и условия труда

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 572.

Стремление капиталистов выжать посредством машин как можно больше прибыли приводило к безмерному удлинению рабочего дня. Конкуренция фабрики в свою очередь повлекла за собой еще большее увеличение его «в пограничных областях капитализма» — в мануфактуре, домашней промышленности и ремесле, основанных на ручном труде. В начале XIX в. продолжительность дневного труда работника, согласно ремесленному положению Екатерины II, держалась в пределах 10 часов, теперь же она нередко достигала 14 и 15 часов.

Более длинный рабочий день приходился на фабрики, работавшие в одну смену. При двухсменной работе, обычной во время промышленного оживления, каждая смена работала по 12 часов, иногда же ночная — 11 часов, зато дневная — 13 часов. Особенно пагубной для рабочих была система шестичасовых смен, когда рабочие и работницы, поспав урывками по три-четыре часа, должны были в течение суток дважды приходить на фабрику, чтобы отработать свой дневной урок.

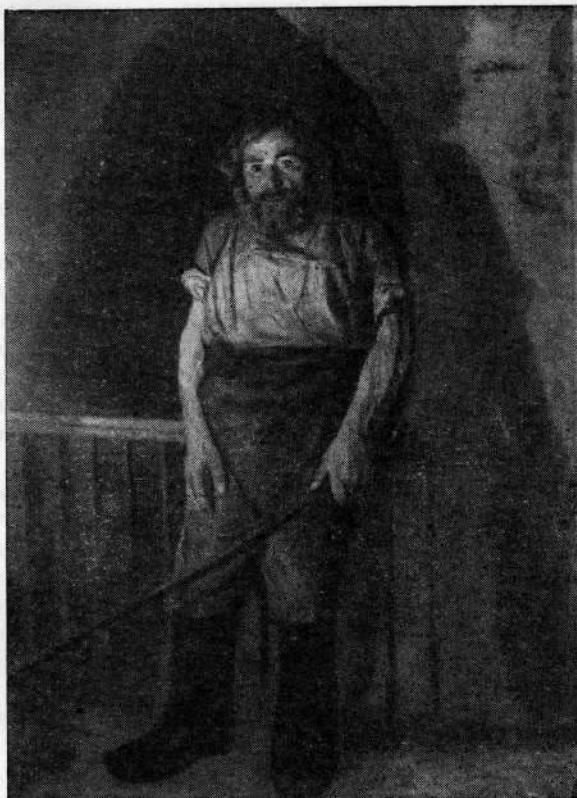
На шахтах и рудниках Донбасса, работавших в две смены, рабочий день на подземных работах продолжался также 12 часов, а при односменной работе — 13—15 часов. Такой же рабочий день был и в других отраслях производства. Исключение составляли металлообрабатывающие предприятия, обычно имевшие рабочий день короче на полтора-два часа. Но часто практиковавшиеся на них сверхурочные работы делали рабочий день и здесь таким же длинным, как и везде.

Большую часть суток рабочий должен был проводить в помещении фабрики, как правило, грязном и полутемном. Узость проходов между машинами, неогражденность механизмов постоянно грозили жизни и здоровью рабочего и работницы. А для подростков и детей, число которых было весьма значительно, особенно на хлопчатобумажных фабриках, эти условия были прямо-таки губительными. Не случайно подавляющее большинство рабочих на хлопчатобумажных фабриках не доживало до 40 лет.

Еще более каторжными были условия труда на шахтах и заводах Донбасса, рудниках Криворожья. «Нужно привыкнуть к мысли о смерти и не дорожить совсем жизнью, — писали земские статистики о труде углекопа, — чтобы решиться на рудничный труд, где малейшая оплошность рабочего, недосмотр администрации и т. п. могут окончиться смертью или погребением заживо...»¹

В подобных же условиях находились рабочие золотопромышленности, нефтяного дела и др.

¹ «Сборник статистических сведений по Екатеринославской губернии», вып. III. 1886, стр. 383.

Кочегар

Фабричная система повлекла за собой применение в больших масштабах труда женщин и детей. Машина облегчила физический труд, но в то же время и сильно удешевила его. Для прокормления семьи стало недостаточно труда мужчины. Капиталист имел большую возможность безнаказанно эксплуатировать труд женщин и детей, что они были менее способны к отпору. Число женщин-работниц в 80-х годах на предприятиях по обработке волокнистых веществ достигало 38,3% всех рабочих, а на ткацких фабриках женский труд преобладал над мужским. О размерах применения детского труда на фабриках дают представление следующие цифры. По данным опроса 53 тыс. рабочих Московской губернии, произведенного в начале 80-х годов, третья часть их пришла на фабрику в возрасте от 12 до 14 лет. Газета «Голос» в 1879 г. писала: «У нас множество детей на фабриках в таком возрасте, например, до 12-ти и да-

же 10-ти лет, в каком фабричный труд невозможен без загубления всей жизни человека»¹.

Заработная плата В 80-х годах средний месячный заработок рабочих Московской губернии составлял: мужчин — 14 руб., женщин — 11 руб. Заработок подростков равнялся половине заработка взрослого мужчины, а малолетних — половине заработка женщины. Несколько выше заработная плата была у мастеровых на фабриках — 17 руб. и рабочих машиностроительных заводов (например, Коломенского) — 22 руб. Более высокой была заработная плата у фабричных рабочих в Петербурге — 15—17 руб. в месяц и у заводских — 25—30 руб. В Донбассе забойщик, отбивавший уголь в узком подземном штреке обушком, получал 21 руб., саночник, доставлявший его оттуда на тачке ползком к продольным штрекам, — 16 руб. На заводах Урала, где дольше всего сохранялись пережитки крепостной эпохи, рабочие владели собственными усадьбами и пользовались земельным наделом, покосом и выгоном ст заводладельца, что привязывало их к заводу. Поэтому заработная плата была здесь вдвое ниже, чем в других местах.

В целом заработная плата рабочих в России была в два с лишним раза ниже, чем в Англии, и в четыре раза ниже, чем в США.

Но и эту плату рабочих не получал полностью. Основным средством ее уменьшения были штрафы. Штрафы налагались не только за прогул, но и за «пение песен во дворе фабрики», «появление в конторе не по одиночке», «выход за ворота фабрики», «курение табаку» и т. п. Размеры и мотивы штрафов, писал один из фабричных инспекторов, «определяются только волей хозяина или фабричной администрацией, не дающими в этом отношении никому отчета»².

Однако хозяева этим не ограничивались. Капиталисты, обзаведясь своими «харчевыми лавками», а также лавочки и кабатчики, которые лепились вокруг больших фабрик, усиленно наживались на снабжении рабочих съестными припасами и другими предметами потребления. Это была, по выражению К. Маркса, «вторичная эксплуатация, сопровождающая первичную, которая осуществляется непосредственно в самом процессе производства»³.

На большинстве фабрик заработная плата выдавалась не регулярно, а по «милости» хозяина или расчеты с рабочими производились три-четыре раза в год — на пасху, рождество, покров день и т. п. До очередной полочки рабочий вынужден был полу-

¹ И. И. Янжул. Очерки и исследования, т. II. М., 1884, стр. 131.

² «Фабричный быт Московской губ.» СПб., 1884, стр. 79.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 25, ч. II, стр. 159.

чать свое продовольствие, кредитуясь в фабричной лавке или у ближайшего лавочника. Цены на продукты, отпускаемые в кредит из «харчевой лавки», обычно самого дурного качества, были намного выше рыночных.

Пища рабочего была самой скудной. Фабричный инспектор Владимирского округа, касаясь фабрик Шуйского уезда, писал: «Здесь рабочие совсем почти не употребляют говядины и питаются единственно почти одним только хлебом, пустыми щами, да гречневой крупой с салом или постным маслом»¹. Таково было питание рабочих, живших при фабрике и объединявшихся в «харчевые артели». Рабочие, пользовавшиеся наемными квартирами, питались, как правило, всухомятку, съедая где-либо в углу мастерской принесенный с собой кусок хлеба с картошкой и селедкой.

Наблюдавшееся к концу века некоторое увеличение заработной платы было вызвано главным образом ростом цен. В результате реальная заработная плата рабочих если и повысилась, то весьма незначительно.

Фабричный быт Одной из характерных особенностей фабричного быта в России являлось устройство на крупных предприятиях особых жилых помещений для рабочих (казарм). «Понятно, что там, где устраиваются отдельные жилые помещения, — констатировал исследователь быта московских рабочих Е. М. Дементьев, — для рабочих облегчается возможность перетащить из деревни на фабрику свою семью, чему фабриканты нисколько не препятствуют, так как это служит к прямой их выгоде — пользованию более дешевым женским и детским трудом»².

Часть казарм отводилась под общие спальни, а часть разгоразживалась на небольшие каморки. В общих спальнях вдоль стен устраивались нары в виде досчатых помостов; иногда эти нары настигались в два яруса. На них располагались на ночлег взрослые и дети, мужчины и женщины, женатые и холостые. Для семейных пар места на нарах отделялись одно от другого невысокими перегородками. Спальни обычно были чрезмерно переполнены жильцами, а при сменной работе служили двойному «комплекту» рабочих; часто не успевшее еще остыть спальное место занимал уже другой. Жившие в спальнях тут же стирали и сушили белье. По свидетельству санитарных врачей, для спален «была совершенно заурядной непомерная грязь стен, полов, потолков и нар..., мириады клопов и пруссов, покрывающих потолки и верхнюю часть стен, иногда буквально сплошь...»³

¹ «Фабричный быт Владимирской губ.» СПб., 1884, стр. 107—108.

² «Сборник статистических сведений по Московской губ.», т. IV, ч. II, М., 1893, стр. 220.

³ Там же, стр. 239.

Обстановка каморок, отводимых обычно для семейных рабочих, была такой же убогой, как и общих спален. Но и эти каморки редко предназначались для одной семьи, разве только самые маленькие из них. Обычно же в каморке поселялось от двух до семи семей.

Таковы были рабочие казармы не только в Центрально-промышленном районе, но и повсюду в России — и в Петербурге, и на Украине, и в Баку. «Без ужаса и содрогания, — говорил один из предпринимателей на XIII съезде нефтепромышленников Баку, — нельзя пройти мимо рабочих казарм. Рабочие, все в засаленных и закопченных лохмотьях, покрытые толстым слоем копоти и пыли, кишат, как пчелы, в своих необычайно грязных и тесных помещениях. отвратительная вонь ударит вам в нос, как только вы попытаетесь подойти близко к окну»¹. О казармах сахарных заводов Украины современник писал, что жизнь в них «не походит на человеческую».

В Донбассе, помимо казарм, шахтеры с семьями селились в землянках. Екатеринбургские статистики оставили красочное описание этих землянок: «Едва заметные возвышения над поверхностью земли вокруг шахты указывают на жилища рабочих..., дверь низка, пройти в нее можно только согнувшись... Пол земляной, потолка нет, его заменяет крыша подземелья на стропилах... Сквозь крышу и стену проникает в подземелье сырость и влага, и от всего этого в жилище постоянно, даже летом, воздух затхлый и гнилой. Крошечные окошечки с нечисто содержимыми стеклами пропускают внутрь жилища полусвет»². Так, шахтер, находясь 12 и больше часов глубоко под землей, в забое или штреке, без дневного света, не видел его и в своем жилище.

В других случаях, когда на фабрике или руднике отсутствовали казармы для рабочих, они размещались за наемную плату в ближайшем округе.

До самого конца века жилищные условия массы рабочих в России почти не улучшились: только больше стало казарм, семейные рабочие с нар общих спален перешли в каморки, для мужчин и женщин стали выделяться отдельные спальни.

Русский рабочий был настоящим рабом своего хозяина, обязанным под угрозой штрафа или изгнания с фабрики беспрекословно ему повиноваться. «Наши фабрики представляли ни для кого не доступное государство в государстве»³, — писал в начале 80-х годов известный исследователь быта русских рабочих

¹ К. А. Пажитнов. Положение рабочего класса в России, т. II, Л., 1924, стр. 92—93.

² «Сборник статистических сведений по Екатеринбургской губернии за 1886 г.», т. II, 1886, стр. 283.

³ «Сборник статистических сведений по Московской губ.», т. IV, ч. II, М., 1893, стр. X.

ученый-гигиенист Ф. Ф. Эрисман. Еще более бесправны, задавлены эксплуатацией были рабочие окраин, так называемые «инородцы» — татары, азербайджанцы и др.

Таким образом, фабрика являла собой, по глубокому определению Ф. Энгельса, «наиболее острое и обнаженное проявление» социальных бедствий, свойственных капитализму, а положение рабочего класса сделалось действительной основой и исходным пунктом самых передовых социальных движений современности¹.

Пролетариат мог отстаивать свое человеческое достоинство, избежать голодной смерти и вырождения только в непримиримой борьбе с хозяевами фабрик и стоявшим на страже интересов помещиков и капиталистов самодержавным государством. Ненависть и возмущение рабочего класса против буржуазии, классовая борьба пролетариата становятся главной движущей силой исторического прогресса общества.

2

Рабочее движение в 80-х — начале 90-х годов

Крупные промышленные центры — большие города и промышленные села — сделались главными очагами массового рабочего движения. Но на протяжении 80-х и начала 90-х годов оно в основном не вышло из стадии разрозненных выступлений, стихийных возмущений и стачек-бунтов. Рабочее движение продолжало оставаться, по выражению В. И. Ленина, «гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой»².

Заметный подъем рабочего движения совпадает с периодом промышленного кризиса первой половины 80-х годов. Кризис особенно тяжело отразился на главной в то время отрасли промышленности — текстильном производстве. При первой же заминке со сбытом товаров к началу 80-х годов хозяева фабрик начали сокращать производство, отменять ночные смены, останавливать фабрики, увольнять рабочих. Неурожаи предшествующих лет и общее обеднение деревни способствовали еще большему застою в промышленности. В то же время в поисках заработка из деревни приливали новые массы разорившихся крестьян, пополняя ряды безработных. В городах наблюдался необычайный рост нищеты.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 238.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 30.

Всю тяжесть разразившегося кризиса капиталисты стремились переложить на рабочих: одновременно с массовыми расчетами они снижали заработную плату, увеличивали штрафы и т. п. Сопrotивление наступлению капитала стало стихийно прорываться в форме бурных стачек.

Стачка осенью 1881 г. на громадной Ярцевской мануфактуре купца Хлудова (в Смоленской губернии), отличавшейся особенно грубыми и обнаженными формами эксплуатации, сопровождалась, по терминологии властей, «буйством» рабочих. Для ее подавления были вызваны войска. В 1882 г. произошли большие и стойкие забастовки на Кренгольмской мануфактуре и суконной фабрике в Нарве. В их подавлении также участвовали войска. Среди рабочих были произведены аресты. В дальнейшем стачки возникали неоднократно. В 1883 г. бастовали рабочие Жирардовской мануфактуры в Царстве Польском, рабочие Вознесенской мануфактуры в Дмитровском уезде, Богородско-Глуховской мануфактуры в г. Богородске (Московской губернии), Ярославской Большой мануфактуры и др. В следующем году повторилась стачка на Воскресенской мануфактуре и произошла забастовка на Екатерингофской мануфактуре в Петербурге. 1885 год начался знаменитой Морозовской стачкой.

Морозовская стачка Никольская мануфактура Тимофея Морозова (близ Орехово-Зуева) была самой крупной из хлопчатобумажных фабрик России и включала полный цикл производства от бумагопрядения до отделки тканей. Число рабочих на ней доходило до 12 тыс. Орехово-Зуево представляло собой типичный фабричный центр. Побывавший здесь 10 лет спустя В. И. Ленин писал: «Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе: чисто фабричный городок, с десятками тысяч жителей, только и живущий фабрикой. Фабричная администрация — единственное начальство. «Управляет» городом фабричная контора. Раскол народа на рабочих и буржуа самый резкий»¹. Именно здесь и разыгралась крупнейшая стачка, явившаяся высшим моментом подъема рабочего движения в 80-х годах.

На Морозовской мануфактуре продолжали еще держаться такие кабальные формы эксплуатации, как наем на полугодие — с покрова дня до пасхи и с пасхи до покрова, рабочие обирались посредством хозяйской «харчевой лавки» и т. п. С наступлением кризиса на мануфактуре пять раз снижалась заработная плата. Резко усилились штрафы, доходя до 24 коп. с заработанного рубля, а у отдельных рабочих отнимая до половины заработка. Особенно неистовствовал по части штрафов ткацкий мастер Шорин.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 46, стр. 8—9.

Нараставшее с каждым днем возмущение рабочих рано или поздно должно было вылиться наружу.

Организаторами Морозовской стачки выступили Петр Моисеенко и Василий Волков. Моисеенко не был на фабрике новичком. Здесь работал его отец. Сам он начал работать вместе с ним еще в малолетнем возрасте. Став ткачом, он потом переехал в Петербург, где принимал участие в нескольких стачках текстильщиков. Моисеенко был знаком с Г. В. Плехановым и Степаном Халтуриним, входил в «Северный Союз русских рабочих». После разгрома стачек на Новой бумагопрядильне и на фабрике Шау в 1879 г. он вместе с Лукой Абраменковым, также участником «Союза», был сослан в Сибирь.

По возвращении из ссылки П. Моисеенко и Л. Абраменков, лишённые возможности жить в столице, направились в Орехово-Зуево, где один поступил работать на Никольскую мануфактуру, а другой — на фабрику Смирнова, близ Орехово-Зуева. Во время Морозовской стачки выдвинулся в качестве вожака и также снискал горячие симпатии рабочих молодой ткач В. Волков.

Мысль о забастовке, поданная Моисеенко морозовским ткачам, нашла подготовленную почву. Организаторы стачки устроили две тайные встречи с наиболее надежными рабочими и договорились 7 января остановить фабрику.

В этот день утром рабочие с криками: «Кончай работу!» вышли из всех фабричных корпусов на улицу. Возбужденная толпа начала громить квартиры директора и мастера Шорина, харчевую лавку. Перепуганная администрация слала телеграммы хозяину мануфактуры, владимирскому губернатору, министру внутренних дел. К ночи того же дня в Орехово-Зуево начали прибывать войска. На другой день на опустевших улицах появились солдатские патрули и конные разъезды.

На уловку Морозова — одновременно с подавлением стачки с помощью войска успокоить рабочих обещанием возвращения штрафных денег за два месяца — бастующие ответили требованием выдачи расчета всем рабочим «по пасху». В один из последующих дней, в момент переговоров губернатора с подступившей к главной конторе тысячной толпой рабочих, ему была передана Волковым тетрадь с заранее выработанными «Требованиями по общему согласию рабочих». Главные их пункты гласили: 1) чтобы по изданному государством закону штрафы не превышали 5% с заработанного рубля; 2) чтобы вычеты за прогул не превосходили 1 руб.; 3) чтобы по изданному государством закону были полностью изменены условия найма и рабочий имел право уйти с предприятия, заявив об этом за 15 дней, а хозяин в свою очередь обязан был объявить рабочему о его расчете также за 15 дней; 4) чтобы приемка

готовых изделий от рабочих производилась при свидетелях от их товарищей, работающих поблизости, и записывалась в товароприемную книгу; 5) чтобы при несогласии рабочих на необъявленные при найме расценки для их выравнивания был установлен государственный контроль; 6) чтобы выдача жалованья не задерживалась далее 15-го числа каждого месяца или первой субботы после 15-го. Кроме того, рабочие требовали возвращения к заработкам, какие были до кризиса, увольнения тех служащих и мастеров, которых найдут нужным уволить рабочие, и т. д.

Сообщение губернатора о том, что требования рабочих отвергнуты Морозовым, привело к усилению волнений. Во время объяснений губернатора с толпой незаметно был оттеснен от нее солдатами и арестован Волков вместе с еще 51 рабочим. Это вызвало новый взрыв негодования толпы, которая бросилась освобождать арестованных. При этом произошла схватка рабочих с воинским караулом. Последовали новые аресты по обвинению в нападении на караул. Тем временем продолжались массовые высылки рабочих «на родину». Всего было выслано свыше 800 рабочих. Под влиянием репрессий стачка постепенно пошла на убыль. Наконец, властям удалось арестовать остальных руководителей стачки — Моисеенко и Абраменкова. 18 января во всех отделениях фабрики работы возобновились.

Состоявшийся в следующем году суд над морозовскими стачечниками с участием присяжных заседателей заставил еще раз заговорить о стачке всю страну. Видя, сколь безобразными были порядки на фабрике Морозова, присяжные ответили своим «нет» на все 101 вопрос, поставленный обвинением, и вынесли оправдательный приговор подсудимым. Редактор реакционных «Московских ведомостей» Катков в бессильной ярости назвал этот приговор 101 салютационным выстрелом «в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса».

Историческое значение Морозовской стачки очень велико. Она ясно засвидетельствовала, что в России, как стране капиталистической, началась война между трудом и капиталом. Стачка убедительно показала, какую грозную и опасную для правительства силу представляют рабочие, когда они действуют сообща, прямо заявляя и отстаивая свои требования. В отличие от большинства стачек этого периода, носивших стихийный характер, стачка на мануфактуре Морозова была подготовлена. Организаторами ее явились затронутые социалистической пропагандой передовые рабочие. Морозовская стачка имела не только экономический, но и политический характер, поскольку рабочие предъявили свои требования не только хозяину, но и правительству.

Правительство должно было пойти на уступки, издав известный закон 3 июня 1886 г., ряд статей которого является прямым ответом на требования морозовских стачечников.

Морозовская стачка и ее последствия сказались на всем дальнейшем ходе рабочего движения.

Влияние Морозовской стачки

Помимо Морозовской стачки, в 1885 г. в Центрально-промышленном районе имели место и другие крупные стачки. Почти одновременно с ней вспыхнула большая забастовка на Измайловской мануфактуре в Московском уезде, также подавленная с помощью войск. В феврале-марте объявили стачку 4 тыс. ткачей и прядильщиков Тверской мануфактуры, потребовав скидки трех четвертей общей суммы штрафов. Подобные же требования предъявили рабочие фабрики купца Залогина, близ Твери. В сентябре-октябре вспыхнули забастовки на семи крупнейших иваново-вознесенских фабриках. Всего в 1885 г. в стачках приняло участие 26 тыс. человек.

Морозовские рабочие в своих требованиях выразили и обобщили главные требования массы стачечников и других фабрик. Стало быть, здесь имело место то, что К. Маркс характеризовал как перерастание разрозненных экономических движений рабочих в «политическое движение, то есть движение *класса*, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества»¹.

После Морозовской стачки рабочее движение продолжало подниматься в гору. Во второй половине 80-х годов среднее количество забастовок за год по сравнению с первой половиной десятилетия увеличилось более чем в полтора раза (с 19 до 32). В 1886 г., вскоре после издания закона о штрафах, в Петербурге забастовало свыше 3 тыс. рабочих мануфактур Паля и Максвелля, требуя увеличения заработной платы и уменьшения штрафов. Власть силой подавила стачку, арестовав 72 и выслав 21 рабочего. В следующем году повторились стачки текстильщиков в Петербурге. Произошел ряд крупных забастовок в Московской губернии: на Рябовской (Серпуховский уезд), Высоковской (Клинский уезд) и других мануфактурах.

В конце 80-х годов дважды выливалась в крайне острые формы стачечная борьба текстильщиков городов Шуи, Иваново-Вознесенска и Коврова Владимирской губернии. Рабочие громили фабрики и дома фабрикантов, нападали с камнями на полицейских. Для прекращения «буйства» рабочих власти вызвали войска. Стачка на Большой Ярославской мануфактуре в 1890 г. также переросла в стихийное выступление 4 тыс. рабочих. Возмущенная толпа разнесла фабричный лабаз, побила стекла

в фабричных корпусах и квартирах служащих. Против полиции, вызванной на фабрику, рабочие пустили в ход поленья и кирпичи. Лишь с помощью вооруженной силы властям удалось восстановить «порядок».

Стачечное движение начала 90-х годов

Новый толчок рабочему движению дал голодный 1891 год. Миллионы крестьян в результате неурожая полностью разорились. Они массами бросали свое хозяйство и устремлялись в города. Толпами собираясь у ворот фабрик и заводов, крестьянская беднота за бесценок предлагала свои рабочие руки. Пользуясь этим, владельцы предприятий стали ухудшать условия труда, снижать заработную плату, увеличивать штрафы. Недовольство рабочих хозяйскими прижимками порой приобретало крайне бурные формы протеста, выливалось в погромы. Стачки вспыхивали не только среди фабричных и заводских рабочих, но и на рудниках и угольных коях. Приход в промышленность новых рабочих, вчерашних крестьян, способствовал сохранению стихийного характера рабочего движения.

Более сознательный и планомерный характер носили в это время стачки в Царстве Польском. В 1891 г. 12 тыс. рабочих Жирардовской мануфактуры, расположенной в предместье Варшавы, впервые в России отметили 1 Мая стачкой солидарности. При этом польской социал-демократической партией «Пролетариат» в Варшаве были распространены в большом количестве первомайские воззвания. День 1 Мая был также отмечен агитацией социалистов, стачкой и распространением воззваний на мануфактуре акционерного общества Познанского в Лодзи. Обе стачки сопровождалась «беспорядками», которые удалось прекратить только путем вызова войск. В следующем году в первомайской всеобщей стачке в Лодзи приняло участие 30 тыс. человек. При подавлении стачки царские войска стреляли в рабочих, среди которых имелись жертвы. По этому поводу передовые петербургские рабочие обратились с открытым письмом к польским рабочим, в котором писали: «Честь вам, а позор и презрение царю и всем его подлым опричникам! Вас страшно преследуют, но вы счастливее нас, вы вступили уже в открытую борьбу, мы только к ней готовимся, но скоро уже вслед за нами братьями других стран вступим и мы в борьбу с общим нашим врагом: царем, барам, фабрикантами, попами!»¹.

В Центральной России начало 1892 г. ознаменовалось большой стачкой на фабрике Залогина, близ Твери. Только введя на фабрику, по словам самих властей, «внушительную воинскую

¹ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. III, ч. 2. М., 1952, стр. 131.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 33, стр. 283.

силу» в размере четырех рот солдат и арестовав организаторов стачки, ее удалось прекратить.

В 1893 г. разразилась в весьма острой форме стачка 5 тыс. рабочих Хлудовской фабрики в Рязанской губернии. Рабочие потребовали удаления мастеров-иностранцев, безобразно обращавшихся с рабочими, повышения расценок, уничтожения произвольных штрафов. Очевидец стачки спустя 10 лет писал о ней в «Искре»: «Я хорошо помню „бунт“ 1893 года, когда весь фабричный двор Хлудовской бумагопрядильни в несколько десятин размером был засыпан, как снегом, клочками конторских счетов, квитанций и пр.; когда речка Гуслиянка, протекающая около фабрики, чуть не выступила из берегов, заваленная кусками коленкора, мотками пряжи и т. п. Разгром был полный... Были вызваны спешно войска». При подавлении стачки были арестованы многие рабочие, «зачинщиков» судили.

Почти одновременно с «бунтом» на Хлудовской мануфактуре забастовали 2,5 тыс. рабочих Тверской мануфактуры; вновь произошли стачки в Шуе с участием почти 4 тыс. рабочих, протекавшие очень бурно. Стачки на текстильных фабриках в Московско-Владимирском районе, в Петербурге, Польше, Казани и других местах не утихали и в последующие годы.

Все более частыми становились стачки и волнения рабочих на заводах и шахтах юга России. Летом 1892 г. чрезвычайно бурный характер приняло выступление 15 тыс. заводских рабочих и шахтеров Юзовки. Во время начавшихся «беспорядков» подверглись разгрому питейные заведения, хозяйские дома и лавки. Спешно вызванные войска стреляли в рабочих. Брожение среди рабочих захватило также Луганск, Мариуполь и Екатеринослав (Днепропетровск).

В следующем году забастовка на Сулинском чугунолитейном заводе Пастухова в Области Войска Донского приняла столь угрожающий характер, что заводская администрация бежала с завода, «уезжая с собой кассу и документы».

Стачки и волнения часто вспыхивали на заводах и рудниках Урала. В политическом обзоре Пермского жандармского управления за 1893 г. отмечалось, что «между горнозаводскими рабочими развивается и все больше и больше крепнет корпоративный дух». Поводами к стачкам здесь служили не только вопросы, связанные с длительностью рабочего дня, заработной платой и штрафами, но и протесты против пережитков крепостничества, высоких казенных и земских денежных повинностей. Так, взыскание недоимок с рабочих Нижне-Тагильского завода зимой 1893/94 г. вызвало большие волнения среди рабочих заводов Нижне-Тагильского, Каслинского, Кыштымского и др., подавленные при участии войск путем такой средневековой варварской расправы, как поголовная порка розгами участников

волнения. Как сообщалось в листке № 5 «Фонда Вольной русской прессы» от 30 апреля 1894 г., «пороли всякого, без разбору и не щадя живота...»

Раскинувшаяся по всей России сеть железных дорог обусловила появление в разных уголках ее нового большого отряда пролетариата — железнодорожных рабочих и рабочих железнодорожных мастерских. В железнодорожные мастерские, нуждавшиеся в квалифицированной рабочей силе, часто устраивались передовые рабочие, высланные из крупных пролетарских центров. Под их влиянием стачки на железных дорогах, особенно в железнодорожных мастерских, обычно проходили даже более организованно, чем стачки на фабриках и заводах.

Рост самосознания рабочего класса

Все усиливавшаяся стачечная борьба оказывала заметное влияние на развитие политического сознания рабочих. Крепостнические законы против стачек, объявлявшие участие в них уголовным преступлением, при каждой забастовке ставили рабочих лицом к лицу не только с их хозяевами, но и с правительством. Как только вспыхивала стачка, на фабрику являлись полиция, прокурор, а то и сам губернатор. Фабричная инспекция вместо защиты интересов рабочих брала на себя полицейские функции. При обострении положения в помощь полиции прибывали войска, следовали аресты и высылка стачечников. Своими действиями правительство убедительно свидетельствовало, что оно является защитником капиталистов и злейшим врагом рабочих, а отнюдь не «радетелем об их интересах», как оно пыталось выставить себя в глазах народа.

Эту истину все более начинали усваивать рабочие в ходе стачечной борьбы, которая в данных условиях неизбежно становилась не только экономической, но и политической, революционной борьбой. Актами политической борьбы русских рабочих, хотя и осуществлявшимися большей частью несознательно, стихийно, были, как отмечал В. И. Ленин, и расправы «своими средствами» с полицейскими, и освобождение силой своих арестованных товарищей, и прямые уличные схватки во время стачек с полицией и войском¹.

Одновременно с классовым воспитанием неуклонно происходил процесс культурного подъема массы рабочих, особенно ее передового слоя. Техническая революция в промышленности вынуждала капиталистов содействовать образованию рабочих, создавать для них вечерние и воскресные школы. В этом же направлении развернулась деятельность разных либеральных просветительных обществ, издательств популярных книг для народа, комитетов грамотности и т. д. Передовые рабочие всякий

¹ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 313—314.

Шахтерке

свободный или, вернее, отнятый от сна час отдавали чтению, приобретению знаний, на последние гроши заводили библиотечки из произведений лучших писателей. Классическая русская литература с ее благородными идеями, гуманизмом и критическим взглядом на действительность приобрела нового читателя, вышедшего из самой гущи народа, — русского пролетария.

В один из реакционнейших в истории России периодов — 80-е годы — успешно совершался процесс созревания нового класса, класса пролетариев, готовившегося выступить на общественную арену со своей программой борьбы. Оглядываясь на это время, Г. В. Плеханов в середине 90-х годов писал: «В продолжение царствования Александра III ни в одном из наших общественных классов не происходило такой живой работы мысли, ни один из них не обнаружил такой огромной жажды знания, такого лихорадочного стремления к свету, как именно рабочий класс... Восьмидесятые годы были временем упадка нашей ин-

теллигенции¹. Но эти же годы были временем умственного подъема русского народа и, прежде всего, передового отряда этого народа, наших промышленных рабочих. Одного этого довольно, чтобы ободрить всех истинных друзей народа и показать им, что их дело теперь гораздо ближе к своему торжеству, чем оно было когда-либо прежде»¹.

Однако, для того чтобы подняться на высоту своей исторической задачи, рабочее движение должно было не останавливаться на ступени повседневной борьбы за одни экономические уступки со стороны эксплуататоров, т. е. на ступени тред-юнионизма, как это имело место в ряде стран Западной Европы и в Америке. Пролетариату необходимо было глубоко проникнуться классовым сознанием, т. е. сознанием непримиримой враждебности ко всему общественному и политическому строю буржуазного общества, стремлением к его уничтожению и в первую очередь к свержению самодержавия.

Выполнить задачу развития классового сознания пролетариата, содействовать его организации и указать ему настоящую цель и пути борьбы может только самостоятельная политическая рабочая партия. Выработка такой партии — длительный процесс, потребовавший в Западной Европе многих десятилетий. В России, передовые люди которой имели перед собой богатый опыт Европы и могли опереться на одержавшую победу в международном рабочем движении передовую революционную теорию — марксизм, процесс складывания революционной марксистской партии, ставшей во главе рабочего движения, занял около двух десятков лет. Это были годы, наполненные напряженной работой революционной мысли, острыми схватками с идейными противниками во имя торжества дела пролетариата.

3

Группа «Освобождение труда». Критика народничества Г. В. Плехановым

Первым русским социалистом, который указал на пролетариат как на новый революционный класс, на его историческую миссию, был Г. В. Плеханов. Плеханов и его группа «Освобождение труда» положили начало переходу русского революционного движения от утопического крестьянского социализма к научному социализму.

Георгий Валентинович Плеханов родился 29 ноября 1856 г. в с. Гудаловке Липецкого уезда Тамбовской губернии, в семье мелкопоместных дворян. Мать его, урожденная М. Ф. Беллинская, племянница великого критика, дала ему прекрасное вос-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. IX, стр. 287—288.

питание. В 1874 г. Плеханов стал студентом Горного института в Петербурге. Обнаружив блестящие способности в области естествознания, он, однако, вскоре отдается изучению социальных наук. Одновременно он ведет работу в рядах народников-бунтарей, а после произнесения публичной речи во время демонстрации 1876 г. на площади у Казанского собора полностью переходит на нелегальное положение. Плеханов становится видным деятелем тайного общества «Земля и воля» и одним из его теоретиков и публицистов.

Много времени Плеханов отдавал революционной пропаганде среди петербургских рабочих, участвовал в организации стачек. Он был хорошо знаком с внутренней историей «Северного союза русских рабочих», о чем свидетельствуют его яркие воспоминания — «Русский рабочий в революционном движении». Деятельность Плеханова среди рабочих сыграла значительную роль в последующем переходе его на позиции марксизма.

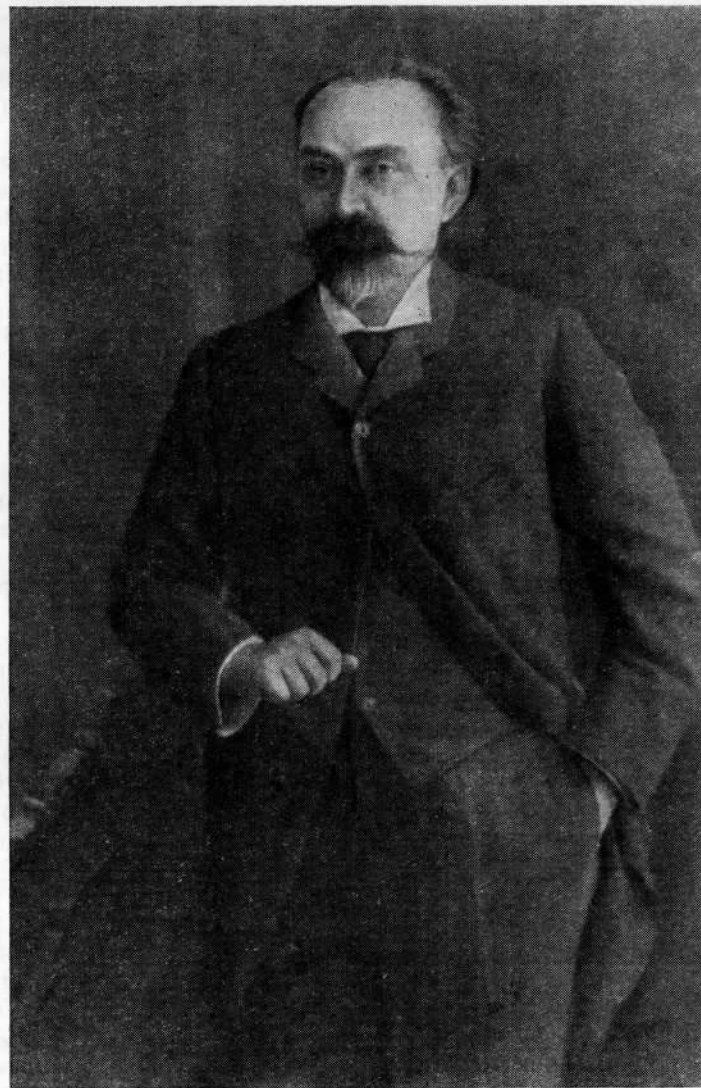
После раскола «Земли и воли» Плеханов, продолжая придерживаться народнической идеи крестьянской революции, вместе с П. Б. Аксельродом, В. И. Засулич и другими «деревенщиками» создает новую организацию — «Черный передел». Однако усиление преследований заставляет его в январе 1880 г. бежать за границу.

Здесь Плеханов получает возможность ближе познакомиться с опытом западноевропейского рабочего движения, пополнить свой политический и идейно-философский багаж. Он жадно изучает социалистическую литературу. Неизгладимое впечатление оказало на Плеханова чтение «Коммунистического Манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса. Вдохновленный его идеями, он переводит «Манифест» на русский язык.

Подобную же идейную эволюцию пережили и соратники Плеханова по «Черному переделу», вынужденные, как и он, эмигрировать за границу: П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов. Приобщение к марксизму заставило их по-новому взглянуть на весь исторический путь русского революционного движения. Они извлекли урок из факта крушения последней крупной революционной народнической организации — «Народной воли» и обратили свои взоры к пролетариату.

Образование группы «Освобождение труда»

Сложившаяся группа единомышленников во главе с Плехановым открыто заявила о себе опубликованием 25 сентября 1883 г. за границей программного документа «Об издании „Библиотеки современного социализма“». В нем были подчеркнуты важные положения, которые вытекали из опыта всей истории развития социалистической мысли и революционного движения в России: 1) окончательный разрыв со старыми анархическими тенденциями народничества; 2) признание необходимости и

Г. В. Плеханов

важности борьбы с абсолютизмом; 3) признание, что революционная интеллигенция «слишком игнорировала» задачи организации рабочего класса и пропаганды социализма в его среде, и призыв к работе по организации русского рабочего класса «в особую партию с определенной социально-политической программой».

Отсюда следовала и та практическая программа, которую наметила для себя группа «Освобождение труда» и которая определила направление ее деятельности в течение всех 20 лет ее существования. Это, во-первых, распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Во-вторых, критика господствовавших среди русских революционеров утопических учений и разработка важнейших вопросов общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

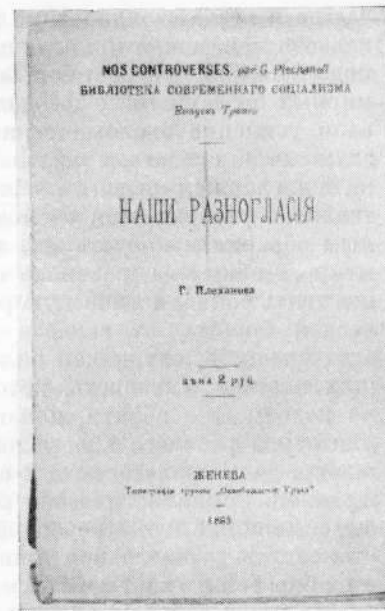
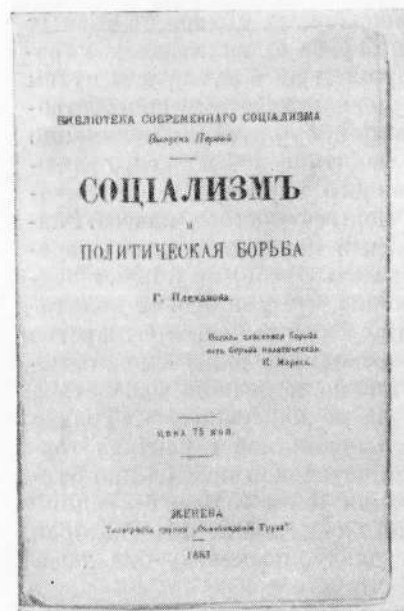
Группа обратилась ко всем кружкам и лицам в России и за границей, сочувствующим ее взглядам, с предложением установить связи и оказывать поддержку друг другу с целью выработки более полной программы практической деятельности.

Так, в 1883 г., омраченном смертью К. Маркса, под великое знамя, высоко поднятое им над миром, встала первая организация русских революционеров — группа «Освобождение труда», положившая начало распространению марксизма в России.

Изучение К. Марксом и Ф. Энгельсом русских общественных отношений

Поставив перед собой задачу научного освещения русских социально-экономических отношений и критики утопически-социалистических теорий русского народничества, группа «Освобождение труда» при этом опиралась не только на теорию и методологию марксизма, но и непосредственно продолжила то, что было уже сделано в этой области К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Намереваясь в своем главном труде — «Капитале» — широко осветить и проиллюстрировать конкретно-историческим материалом проблему земельной ренты, Маркс в течение последних 10—12 лет своей жизни глубоко и всесторонне изучил аграрные отношения в России, положение русского крестьянства, овладев с этой целью русским языком. Поэтому Маркс и Энгельс могли с полным знанием дела судить о характере эволюции социально-экономического строя России и перспективах его развития. Они подвергли критике многие взгляды виднейших идеологов народничества. М. А. Бакунина они беспощадно осуждали за его эклектизм, проповедь воздержания от политической борьбы, а также за раскольническую деятельность и интриги в международном рабочем движении. П. Н. Ткачева они критиковали за его непонимание социальной природы самодержавия и классовых

Издания группы «Освобождение труда»

вых отношений в русском обществе, за утопические «сверхреволюционные» представления о ходе революции».

Маркс и Энгельс глубоко верили в силу будущей русской революции и возлагали на нее большие надежды. Следя с горячим сочувствием за героической борьбой русских революционеров против самодержавия и находясь с некоторыми из них (Г. А. Лопатиным, П. Л. Лавровым и др.) в дружеских отношениях, Маркс и Энгельс в то же время не могли не видеть слабых сторон народнического движения как в теоретическом, так и в политическом отношении. Критика теоретиков народничества Марксом и Энгельсом во многом послужила отправным пунктом для деятельности Плеханова-марксиста.

«Социализм и политическая борьба»

Теория народничества не давала правильного ответа на вопрос об отношении социализма к политической борьбе, хотя самым ходом революционного движения в России вопрос о борьбе с самодержавием за политическую свободу выдвигался на первый план. Эти ошибочные взгляды на «политику» и подверг прежде всего критике Г. В. Плеханов в своей ярко написанной брошюре «Социализм и политическая борьба».

Вся история общества, указывал он, свидетельствует, что

всегда и везде столкновение противоречивых интересов разных классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Политическая борьба с оружием ли в руках или путем мирных соглашений с феодалами, поскольку этому способствовало усиление экономических позиций буржуазии, неизменно служила ей средством достижения политической власти, являющейся главным рычагом общественного переворота и окончательного утверждения господства поднимающегося класса. Равным образом и пролетариат как самый передовой класс современного общества, развивал свою мысль автор, не сможет осуществить социалистическую революцию, отстраняясь от политической борьбы, от захвата власти. Буржуазное государство есть крепость, служащая оплотом и защитой для господствующих классов, «крепость, которой можно и должно овладеть..., но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет». Только диктатура рабочего класса является подлинной гарантией торжества дела пролетариата и его окончательной победы над буржуазией. Социалистическая революция «есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается политической»¹.

Не менее ошибочной, чем теория воздержания от политической борьбы, утверждал Плеханов, была и другая народническая теория — немедленного «захвата власти» с целью совершения в России социалистического переворота. Будучи утопистами, народники не допускали мысли, что в России стоит на очереди не социалистическая революция, а революция буржуазно-демократическая. Но именно потому, что России предстояло прежде всего пережить последнюю, революционную партию, не увлекаясь фантастическими планами немедленного «захвата власти», должна была важнейшей своей задачей поставить борьбу за политическую свободу и демократическую конституцию, чтобы в ходе этой борьбы пролетариат подготовил себя к осуществлению политического господства — диктатуры рабочего класса в будущей социалистической революции. Непременным условием для этого является выработка уже сейчас элементов для образования в будущем самостоятельной рабочей партии.

Таковы основные идеи брошюры Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», которую В. И. Ленин назвал первым «исповеданием веры» русской социал-демократии.

«Наши разногласия» Другой непререкаемой догмой, помимо воздержания от политики, являлось для народников убеждение, что поскольку в России еще сохранилась сельская община и русский крестьянин по инстинкту кол-

лективист, то страна может в своем развитии миновать капитализм. В духе своего субъективно-идеалистического мировоззрения они ставили вопрос так: «должна» или «не должна» Россия пройти через горнило капитализма? И, разумеется, на этот вопрос они отвечали в отрицательном смысле.

Но, как убедительно показал Г. В. Плеханов во второй своей работе — «Наши разногласия», вышедшей через год после первой, жизнь говорила совсем иное: Россия уже вступила на капиталистический путь. В обрабатывающей промышленности, прежде всего в бумагопрядильном и ткацком производствах, капитализм уже достиг высокой степени развития. В других отраслях происходил процесс перехода домашней промышленности в мануфактуру, пока и здесь не пробил час введения машин и быстрого превращения домашнего производства и мануфактуры в фабричное производство.

В деревне под влиянием развития денежного хозяйства и товарного производства община переживала тяжелый кризис, организм ее надломился, — шел процесс разложения общины. Она превращалась в общину кулаков, закабалявших деревенскую гольтыбгу.

Капитализм повсеместно выбивал самостоятельных производителей из их непрочных позиций, покорял их и создавал армию рабочих. Крупный капитал готовился стать полновластным хозяином России, товарное производство уже легло в основу ее хозяйства.

С каким же классом в таком случае социалисты должны связывать будущее России: с крестьянином или рабочим?

Не ветхозаветный крестьянин, превратившийся в условиях товарного производства в мелкого буржуа, а современный пролетарий, олицетворяющий исторический прогресс, — был человеком будущего. Поэтому социалисты должны связывать свои надежды с умственным и политическим пробуждением пролетариата, с его сплочением и организацией. Именно решению данной задачи они должны посвятить все свои силы. Ключ к разрешению всех экономических и политических противоречий в России заключается в скорейшем образовании революционной рабочей партии, способной стать во главе борьбы пролетариата и всех трудящихся.

Ознакомившийся с книгой «Наши разногласия» вскоре после появления ее в свет, Энгельс высоко оценил ее как свидетельство успешного приложения исторической теории Маркса к экономическим и политическим условиям России. «Я горжусь тем, — писал он в 1885 г., — что среди русской молодежи существует партия, которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала со всеми анархистскими и несколько славянофильски-

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. II, стр. 58—59.

ми традициями своих предшественников. И сам Маркс был бы так же горд этим, если бы прожил немного дольше. Это прогресс, — добавлял Энгельс, — который будет иметь огромное значение для развития революционного движения в России»¹.

**Проекты программы
русской
социал-демократии**

Большим историческим делом Г. В. Плеханова и группы «Освобождение труда» была также выработка проекта программы русской социал-демократии. В составленном группой первом (1883 г.) и особенно втором проекте программы (1885 г.) ясно указывалась цель — осуществление коммунистической революции посредством передачи средств и орудий производства в общественную собственность, устранение товарного производства и организация общественного производства по заранее составленному плану. Непременным условием такой революции является захват рабочим классом политической власти, его временное господство для подавления сопротивления эксплуататоров и уничтожения классов и классовой борьбы.

Но на пути рабочего класса к этой цели в России стоит абсолютизм. Поэтому первой политической задачей является низвержение абсолютизма и завоевание демократической конституции. Программа выдвигала ряд ближайших требований в рабочем вопросе, а также ставила задачу радикального пересмотра аграрных отношений, т. е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ, предоставления крестьянам права откупа от надела и свободного выхода из общины. Конец царству капитализма, провозглашала в заключение программа, может быть положен только рабочей партией и увлеченным ею беднейшим крестьянством. Это стремление опереться на боевой, решительный демократизм крестьянских масс было одним из ценных элементов проекта программы русской социал-демократии и главных плехановских произведений 80-х и 90-х годов.

Первые проекты социал-демократической программы не были полностью свободны от пережитков народнических и лассальянских идей, вроде признания метода индивидуального террора в борьбе с правительством и неоправданных надежд на помощь производственным ассоциациям рабочих и крестьян со стороны государства.

В целом же во втором проекте программы правильно формулировалось существо деятельности социал-демократии — организация классовой борьбы пролетариата с целью завоевания им политической власти (диктатуры пролетариата) для построения социалистического общества. В нем правильно определялась основная задача русской социал-демократии — организация рабочей партии, ближайшей целью которой являлось свержение са-

модержавия. Наконец, проект программы правильно намечал путь, идя которым только и можно было привести рабочий класс к завоеванию политической свободы и победе социализма.

Второй проект программы группы «Освобождение труда» был вполне зрелым продуктом русской марксистской мысли; он отвечал условиям русской действительности. Фактически он был принят всеми социал-демократами, действовавшими в России. Не случайно, что в конце прошлого века В. И. Ленин считал возможным «положить в основу программы русской социал-демократической рабочей партии именно проект группы „Освобождение труда...“»¹.

**Распространение
марксистской
литературы в России**

Помимо всесторонней критики народнических теорий, группа «Освобождение труда» успешно решила и другую из поставленных ею задач — распространение главнейших произведений К. Маркса и Ф. Энгельса путем перевода их на русский язык. В переводах Плеханова и других членов группы были изданы «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса, «Нищета философии» и «Наемный труд и капитал» Маркса, «Развитие социализма от утопии к науке» и «Людвиг Фейербах» Энгельса и др. Примечательно, что эти переводы осуществлялись при ближайшем содействии Энгельса, с которым члены группы «Освобождение труда» состояли в переписке, а позднее получили возможность общаться и лично. Найдя перевод одного из своих произведений превосходным, Энгельс заметил: «Как красив русский язык!»² Благодаря выполненным членами группы «Освобождение труда» переводам ряд трудов Маркса и Энгельса в 80—90-х годах нашел доступ к сравнительно широким кругам русской революционной молодежи.

Группа «Освобождение труда» предприняла также издание «Рабочей библиотеки», состоявшей из научно-популярных и агитационных брошюр, написанных в доступной для каждого развитого рабочего форме. Некоторые из брошюр этой серии, как, например, С. Дикштейна «Кто чем живет?», «Первое Мая 1891 года. Четыре речи рабочих, произнесенные на тайном собрании в Петербурге», снабженные предисловиями Плеханова, вместе с остальными изданиями группы «Освобождение труда» составляли непременную принадлежность почти каждой библиотеки социал-демократических кружков в России.

Свои связи с Русской и транспортную марксистскую литературу группа «Освобождение труда» осуществляла главным образом через русских студентов, обучавшихся за границей, и изредка путем посылки в Россию представителей группы.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 217.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 36, стр. 106.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 36, стр. 260.

С появлением в 80-х — начале 90-х годов в России социал-демократических кружков и групп все они так или иначе начинают получать литературу, издававшуюся группой «Освобождение труда», а некоторые из них устанавливают непосредственную связь с нею. При обысках полиция находила марксистскую литературу в Петербурге, Москве, Казани, Саратове, Харькове, Киеве, Одессе, Минске, Риге, Тифлисе.

Значение группы «Освобождение труда»

Группа «Освобождение труда» с самого начала встала на интернационалистические позиции. В международной социалистической прессе печатались статьи Г. В. Плеханова; он представлял нарождавшуюся русскую социал-демократию на международных социалистических конгрессах. В вопросах философии Плеханов выдвинулся как самая крупная после Энгельса теоретическая сила международной социал-демократии. Он состоял в переписке и поддерживал дружеские связи с В. Либкнехтом и Бебелем, с Лафаргом и Гэдом, неизменно сохранял братские отношения с революционными деятелями Болгарии, Польши, Румынии и других стран.

В распоряжение только еще возникавшего в России движения пролетариата и его передовых представителей группа «Освобождение труда» предоставляла, по выражению В. И. Ленина, большой запас теоретических знаний, широкий политический кругозор, богатый опыт русского и западноевропейского революционного движения.

Глубокая и всесторонняя критика Плехановым народничества вывела русскую революционную мысль на правильный путь. Была развенчана неверная социалистическая доктрина, долгие годы господствовавшая над умами революционной молодежи и передовых рабочих. Этим была оказана историческая услуга русскому революционному движению. Отныне оно выходило на дорогу, освещенную светом революционного марксизма.

С именем Плеханова и группой «Освобождение труда» связано возникновение и упрочение в России теории марксизма, программных положений социал-демократии. Основание русской социал-демократии В. И. Ленин считал главной заслугой группы «Освобождение труда». С ее появлением марксизм в России сложился как идейное течение, выразившее сущность и интересы пролетарского движения. Но, основав идейно, теоретически русскую социал-демократию, группа «Освобождение труда» сделала лишь первый шаг навстречу рабочему движению.

Талантливая пропаганда Г. В. Плехановым марксистских идей, успешное применение им теории марксизма к объяснению русской действительности, распространение произведе-

ний К. Маркса и Ф. Энгельса в русских переводах, ознакомление русских революционеров с опытом западноевропейского рабочего движения — все это создало прочную идейную базу для появления нового поколения борцов, поколения революционеров-марксистов, которые нашли правильный путь к соединению научного социализма с рабочим движением.

4

Социал-демократические кружки в России

Наряду с заграничной группой «Освобождение труда» марксистские кружки и группы стали появляться и в самой России.

«В самодержавной стране вообще, — писал В. И. Ленин, — в тех условиях, которые созданы были всей историей русского революционного движения в особенности, социалистическая рабочая партия не могла развиваться иначе, как из кружков. Кружки, т. е. тесные, замкнутые, почти всегда на личной дружбе основанные, сплочения очень малого числа лиц, были необходимым этапом развития социализма и рабочего движения в России»¹. Главным содержанием деятельности социал-демократических кружков и групп на этом историческом этапе, занявшем целое десятилетие, была пропаганда марксизма, имевшая целью завоевание на его сторону пролетарского авангарда.

Первой марксистской группой, возникшей в России, была образовавшаяся в конце 1883 г. в Петербурге «Партия русских социал-демократов», вошедшая в историю под названием группы Благоева, по имени одного из ее организаторов, студента Петербургского университета Дмитрия Благоева, впоследствии основателя и вождя Коммунистической партии Болгарии. Знакомство с «Капиталом» К. Маркса и разочарование в народнической теории и тактике заставили Благоева обратиться к марксизму. Вместе с разделявшими его взгляды другими студентами Петербургского университета В. Г. Харитоновым и В. Е. Благославовым он организовал группу из девяти человек.

Уже самим названием группа открыто заявляла, что по своим воззрениям она примыкает к международной социал-демократии и порывает с народническими взглядами. Однако на деле группа в первое время ее существования, утвердившись в основном на социал-демократических позициях, еще не вполне освободилась от традиций прошлого. По позднейше-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 105.

му признанию Благоева, их тогдашние взгляды представляли собой «смесь марксизма с лассальянством и с остатками старых утопических взглядов...»¹

После ареста Благоева и высылки весной 1885 г. в Болгарию группой продолжали успешно руководить В. Г. Харитонов, Н. П. Андреев, П. А. Латышев. Группа пополнялась новыми членами. Ее деятельность встала на еще более твердую почву после того, как благоевцы в конце 1884 г. вступили в переписку с плехановской группой «Освобождение труда», начали получать от нее литературные материалы, советы.

Основные усилия группы Благоева были направлены на создание рабочих кружков на заводах и фабриках Петербурга. Все наиболее деятельные члены группы являлись организаторами кружков и вели пропаганду в них. В частности, студенты-технологи, проходя практику на заводах Петербурга, стремились завязать связи с передовыми рабочими. Кружки имелись за Невской и Московской заставами, на Васильевском острове, Выборгской стороне. Всего насчитывалось до полутора десятка кружков.

В целях социал-демократической пропаганды группа Благоева наладила издание брошюр и листовок в специально устроенной нелегальной типографии. Выпуском в 1885 г. двух номеров газеты «Рабочий» она положила начало созданию в России периодической социал-демократической печати.

Петербургская группа завязала некоторые связи с другими городами. Об этом, в частности, свидетельствует перечень пунктов, где полиция смогла выловить отдельные номера газеты «Рабочий»: Москва, Тула, Самара (Куйбышев), Саратов, Киев, Одесса, Кременчуг, Таганрог.

После выхода в январе 1885 г. первого номера газеты «Рабочий» последовал первый крупный провал членов группы. В следующем году группа трижды подвергалась разгрому. Но несмотря на аресты, ее деятельность продолжалась. Только повальные аресты среди революционного студенчества, вызванные неудавшимся покушением на царя группы молодых народовольцев во главе с А. И. Ульяновым 1 марта 1887 г., привели к прекращению существования первой социал-демократической организации в Петербурге. Однако эти аресты почти не затронули участников рабочих кружков, созданных благоевцами. Распропагандированные рабочие продолжали вести работу на заводах и фабриках города. Семена марксизма, посеянные группой Благоева, не пропали даром и вскоре дали свои всходы.

П. В. Точисский

В период, когда под градом репрессий начала угасать деятельность благоевской группы, в Петербурге развернула работу другая социал-демократическая организация — группа Точисского. П. В. Точисский происходил из дворянской семьи, с которой он рано порвал. Став рабочим, он всецело посвятил себя делу освобождения пролетариата. В основанную им организацию под названием «Товарищество С.-Петербургских мастеровых» входили преимущественно рабочие, в том числе В. А. Шелгунов, Е. А. Климанов (Афанасьев), Г. А. Мефодиев, ставшие впоследствии известными социал-демократами. В созданных «Товариществом» кружках рабочие изучали «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, знакомились с произведениями Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и другими социал-демократическими изданиями.

Работа «Товарищества С.-Петербургских мастеровых» была хорошо законспирирована. Поэтому, когда оно в 1888 г. подверглось разгрому, связи с рабочими кружками на заводах и фабриках не были раскрыты. Это обстоятельство сыграло существенную роль в последующем развитии пропаганды среди петербургских рабочих, в сохранении преемственности между груп-

¹ Д. Благоев. Мои воспоминания. М., 1928, стр. 54.

пой Точисского и социал-демократическими кружками, возникшими в Петербурге позднее.

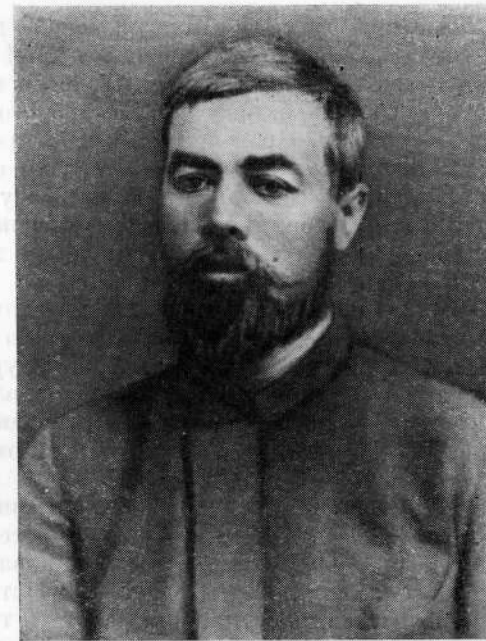
Группа Бруснева

Несравненно более значительной и разветвленной, чем две предыдущие организации петербургских рабочих, была группа М. И. Бруснева. Она сложилась осенью 1889 г. в Петербурге из студенческих кружков Технологического института и университета. Сам Бруснев, студент Технологического института, выделялся среди революционно настроенной молодежи как убежденный марксист и талантливый организатор.

Наиболее активные участники этой новой группы: Бруснев, братья Л. Б. и Г. Б. Красины, В. С. Голубев, Г. М. Родзевич, В. Ф. Цивинский и др. установили связи с рабочими кружками, в которых вели пропаганду марксизма. Помимо этого, в Петербурге существовали кружки, в которых пропагандистами являлись сами передовые рабочие, получившие идейно-политическую закалку еще в период деятельности групп Благоева и Точисского и уцелевшие после их разгрома. Брусневцы объединили все эти рабочие кружки в единую организацию, которой руководил Центральный рабочий кружок, составленный из представителей районов.

Целью пропагандистской работы группы Бруснева было вооружение рабочих знаниями, подготовка из них политически зрелых руководителей движения — «русских Бебелей». Группа располагала для этого важнейшими произведениями К. Маркса и Ф. Энгельса: «Манифестом Коммунистической партии», «Капиталом» и др. Она имела несколько экземпляров книг Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», программы группы «Освобождение труда», а также другие ее издания. Но прежде чем знакомить членов кружков с основными идеями названных произведений, приходилось обучать их чтению, письму и счету. Затем им сообщался определенный круг элементарных знаний по природоведению. После этого начиналось изучение истории революционного движения, зачатков политической экономии и научного социализма. Лишь кружок высшего типа, объединявший руководителей организации и имевший целью подготовить пропагандистов из числа самих рабочих, занимался по повышенной программе. Этим кружком руководили Бруснев и Л. Красин. Всего за период деятельности группы Бруснева исследователями устанавливается существование 27 рабочих кружков, действовавших почти на всех крупнейших заводах Петербурга.

Группой Бруснева были сделаны первые робкие попытки выйти за рамки конспиративных кружков, перейти от пропаганды к агитации. Во время стачек зимой 1890/91 г. на фабри-

М. И. Бруснев

ке Торнтон и судостроительном заводе «Новое адмиралтейство» группа выпустила две листовки, напечатанные на гектографе, в которых обличались порядки на этих предприятиях и формулировались требования забастовавших рабочих. Листовки имели большой успех среди стачечников и распространялись также на других фабриках и заводах.

В результате деятельности группы Бруснева была создана организация, которая простирала свое влияние на все районы столицы и послужила основой для последующего развития социал-демократического движения не только в Петербурге, но и в других городах страны.

Группа Бруснева подготовила почву для первых политических выступлений русского пролетариата.

В состоявшихся 15 апреля 1891 г. похоронах писателя-демократа Н. В. Шелгунова, которые приобрели характер политической демонстрации, приняло участие до 100 рабочих-кружковцев. Они несли венок, увитый красной лентой с надписью: «Указателю пути к свободе и братству от петербургских рабочих». Необычный вид участников демонстрации в костюмах рабочих привлек всеобщее внимание и еще более усилил впечатление от этого открытого политического выступления.

Большой успех «Шелгуновской демонстрации» побудил группу Бруснева отпраздновать в 1891 г., впервые в центральной России, международный пролетарский праздник 1 Мая. На одной из сходов в лесу под Петербургом собралось до 80 передовых рабочих. Произнесенные рабочими на тайных собраниях политические речи свидетельствовали о пробуждении пролетариата как класса. Напечатанные сразу же нелегально на гектографе в Петербурге, а затем брошюрой за границей, они долгое время служили агитационным материалом для социал-демократических кружков.

Историческое значение двух указанных выступлений петербургского пролетариата высоко оценил В. И. Ленин, который писал: «...1891-й год — участие петербургских рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, политические речи на петербургской маевке. Перед нами социал-демократическая демонстрация передовиков-рабочих при отсутствии массового движения»¹.

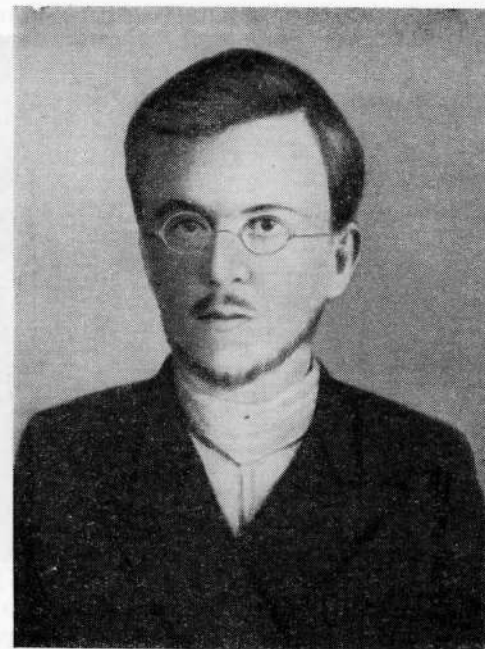
По окончании Технологического института Бруснев переехал в Москву и стал работать в мастерских Брестской железной дороги. Еще до этого для установления связей с рабочими Москвы сюда приехал другой участник группы Бруснева, Ф. Афанасьев, поступивший работать ткачом на Прохоровскую мануфактуру. Благодаря их усилиям возникло ответвление брусневской группы в Москве.

Однако названные выше политические выступления повлекли за собой усиление полицейских преследований, а затем и разгром всей организации. После неудавшейся второй маевки в 1892 г. в Петербурге последовали массовые аресты, которые привели к прекращению деятельности брусневской группы.

Марксистские кружки Федосеева Большое значение в распространении идей революционного марксизма в России имели также федосеевские кружки в Казани в конце 80-х годов. Еще в юношеском возрасте Н. Е. Федосеев примкнул к марксизму. Во время студенческих волнений в декабре 1887 г. он был исключен из восьмого класса Казанской гимназии за чтение запрещенной литературы и «политическую неблагонадежность». Его родители — дворяне после этого совершенно отвернулись от него, и он, живя на грошовые уроки, целиком отдался пропаганде марксизма в организованных им кружках. В одном из федосеевских кружков с осени 1888 г. до весны 1889 г. принимал участие В. И. Ленин.

Вспоминая эти годы, В. И. Ленин писал: «Н. Е. Федосеев был одним из первых, начавших провозглашать свою принадлежность к марксистскому направлению... Особенно осталось в моей памяти, что Федосеев пользовался необыкновенной симпа-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 250.

Н. Е. Федосеев

тией всех его знавших, как тип революционера старых времен, всецело преданного своему делу...»¹

Несмотря на короткий срок существования федосеевских кружков, они оставили большой след. Из этих кружков вышло немало убежденных марксистов (М. Г. Григорьев, Н. А. Мотовилов и др.), которые потом продолжали вести пропаганду марксизма в Поволжье и в других районах страны.

Кружки рабочих, начинавших знакомиться с марксистской литературой, в конце 80-х годов возникают и в ряде других городов. Вокруг отдельных социал-демократов, появившихся к тому времени в Москве, Киеве, Одессе и Вильне и установивших связи с плехановской группой, также образуются социал-демократические кружки из революционной молодежи.

Голод 1891 г. и усиление социал-демократического движения Резко обнаружившаяся после голода 1891 г. классовая дифференциация крестьянства и последовавший затем быстрый рост промышленного капитализма явились новым подтверждением правильности марксистского анализа русской действительности, способствовали усилению влияния социал-демократических идей.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 324—325.

Голод в Поволжье

В связи с голодом Г. В. Плеханов выступил с двумя брошюрами: «Всероссийское разорение» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», в которых он проанализировал причины голода, его вероятные последствия и определил тактические задачи русских социал-демократов. Брошюры сослужили немалую службу марксистским кружкам на местах.

Общественное оживление начала 90-х годов способствовало созданию благоприятных условий для дальнейшего роста социал-демократического движения. Одним из центров его становится Москва.

Здесь еще в первой половине 80-х годов группа революционной молодежи (В. Т. Распопиц, П. А. Аргунов и др.) образовала «Общество переводчиков и издателей», которое в числе другой социалистической литературы в литографированном виде издало ряд произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. Участники кружка установили также связь с группой «Освобождение труда».

В первой половине 90-х годов в Москве появилось несколько социал-демократических кружков с участием как студентов, так и рабочих. Наиболее видные члены этих кружков — А. Н. Винокуров, М. Н. Лядов, С. И. Мицкевич и др. в 1893 г. образовали центральную группу, так называемую «Шестерку», ко-

торая взяла на себя руководство всей пропагандой в студенческих и рабочих кружках. В 1893—1894 гг. в Москве возникли новые социал-демократические кружки — В. В. Воровского, В. Д. Бонч-Бруевича, Н. А. Семашко, впоследствии видных деятелей большевистской партии. Активной участницей социал-демократического движения в Москве была А. И. Елизарова (старшая сестра В. И. Ленина), через которую поддерживалась переписка с Петербургом и группой «Освобождение труда». Становится систематической пропаганда среди московских рабочих.

Начало революционной деятельности В. И. Ленина

В обстановке общественного подъема, наступившего после голода 1891 г., начал свою активную социал-демократическую деятельность В. И. Ленин. В анкете для делегатов X съезда партии на вопрос, принимал ли участие в революционной деятельности до 1917 г., он написал: «1892—1893. Самара. Нелегальные кружки с.-д...»¹. В эти годы Ленин сформировался как выдающийся марксист-революционер, деятельный участник подпольных социал-демократических кружков.

Владимир Ильич Ленин (Ульянов) родился 10(22) апреля 1870 г. в г. Симбирске (Ульяновск), на Волге. Отец его, директор народных училищ, скончался, когда Ленину не исполнилось еще и 16 лет. Вскоре семью Ульяновых постиг новый страшный удар: в Петербурге за участие в подготовке покушения на царя был казнен старший брат Ленина — Александр Ильич Ульянов. Несмотря на то, что в гимназии Ленин обнаружил блестящие способности и окончил ее с золотой медалью, ему, как брату «цареубийцы», отказано было в поступлении в Петербургский университет. С большим трудом в 1887 г. Ленину удалось попасть в Казанский университет. Но уже через несколько месяцев, за участие в студенческих волнениях, он был арестован и выслан в дер. Кокушкино, в 40 верстах от Казани.

В вынужденном деревенском уединении Ленин со всей страстью продолжал учиться. «Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, — вспоминал он потом, — как в год после моей высылки в деревню из Казани. Это было чтение запоем с раннего утра до позднего часа»². Помимо чтения университетских курсов, поскольку не была утрачена надежда вернуться в университет, и художественной литературы («Что делать?» Чернышевского, стихов Некрасова и др.), Ленин погрузился в чтение оказав-

¹ Б. Волин. Ленин в Поволжье. М., 1956, стр. 90.

² В. И. Ленин. Биография. М., 1963, стр. 11.

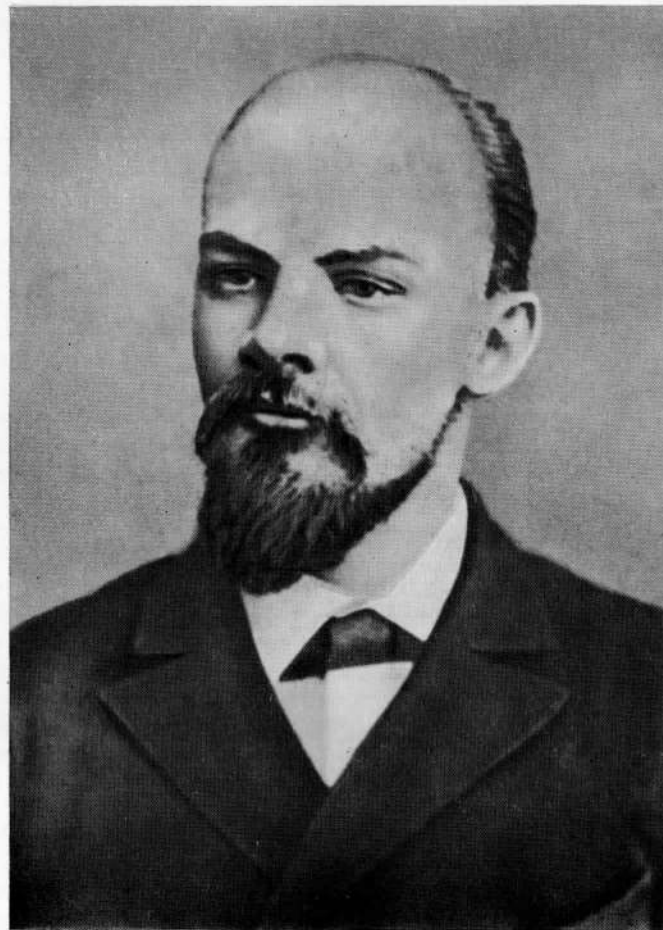
шихся под руками передовых русских журналов эпохи реформы и пореформенных лет («Современник», «Отечественные записки» и др.).

По возвращении осенью 1888 г. в Казань Ленин участвует в одном из федосеевских кружков. Он основательно изучает труды К. Маркса и Ф. Энгельса — «Капитал», «Коммунистический манифест», «Развитие социализма от утопии к науке», знакомится с работами Г. В. Плеханова. Только благодаря отъезду в Самару Ленин избежал нового ареста при разгроме полицией федосеевских кружков в Казани.

В последующие годы Ленин, получив после долгих хлопот разрешение сдать экзамены экстерном за полный курс юридического факультета Петербургского университета, усиленно занимается учебными дисциплинами по университетской программе. Свои наезды в связи с этим в Петербург Ленин использует для получения марксистской литературы и установления связей с марксистами других городов. Осенью 1891 г. Ленин успешно сдает государственные экзамены и получает диплом первой степени об окончании Петербургского университета. Вскоре он вступает в должность помощника присяжного поверенного при Самарском окружном суде, где по преимуществу берет на себя ведение судебных дел крестьянской и городской бедноты.

Годы пребывания в Самаре были для Ленина в значительной мере годами накопления того богатейшего идейного и научного багажа, который позволил ему с первого момента вступления на политическую арену выдвинуться в качестве выдающегося теоретика и политического вождя русской социал-демократии.

В Самаре вокруг Ленина образовался кружок убежденных марксистов (А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянц и др.), вместе с которыми он начал изучение экономического строя деревни. В блестяще написанных рефератах, оживленно обсуждавшихся на собраниях кружка и на диспутах с самарскими народниками, Ленин подверг глубокой критике труды столпов народничества — В. В. (В. П. Воронцова), Николая — она (Н. Ф. Даниэльсона) и др., посвященные экономическому обоснованию народничества. Один из таких рефератов, содержащий разбор книги В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство», послужил основой для первой известной работы В. И. Ленина «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни». Ленин состоял в переписке с Н. Е. Федосеевым, П. П. Масловым и другими, обменивался с ними мнениями по назревшим вопросам парядавшегося нового марксистского направления общественной мысли. Кружок самарских марксистов, организованный В. И. Лениным, благодаря своему высокому идейному уровню, сделался одним из самых влиятельных в России.

В. И. Ленин

И хотя кружок просуществовал только до конца 1893 г., тем не менее он помог многим молодым революционерам прочно утвердиться на позициях научного социализма.

**Социал-
демократическое
движение
в промышленных
центрах России**

Поселившийся после отбытия тюремного заключения в 1892 г. во Владимире, Н. Е. Федосеев стал центральной фигурой существовавшего здесь кружка (С. П. Шестернин и др.). Кружок имел связи с передовыми рабочими фабрики Морозова в Орехово-Зуеве, проводил сходки рабочих.

В другом крупном индустриальном центре Владимирской губернии, славившемся своими текстильными фабриками, — Иваново-Вознесенске в это время также возник марксистский кружок, начало которому положил студент-технолог, участник брусневской группы Ф. А. Кондратьев. Через год кружок насчитывал уже десяток-полтора участников, в большинстве рабочих (Н. Кудряшев, М. Багаев, К. Отроков и др.). В 1893 г. кружок организовал первую в городе маевку. Влияние кружка стало распространяться и на близлежащие промышленные пункты — Шую, Кохму и др.

Переехавшие в Нижний Новгород участники казанских кружков П. Н. Скворцов и М. Г. Григорьев вместе с брусневцами братьями Л. и Г. Красиными образовали в 1891 г. довольно сильный кружок, который, отстояв в острой полемике с местными народниками социал-демократические позиции, привлек симпатии революционной молодежи. Кружок завязал связи с передовыми рабочими заводов Нижнего Новгорода и Сормова.

В Казани и после разгрома федосеевских кружков социал-демократическая пропаганда не прекратилась. В 1891—1892 гг. по почину А. М. Стопани и Н. Э. Баумана здесь возникают новые марксистские кружки из учащейся молодежи. В большом ходу в кружках были издания группы «Освобождение труда». Образуется местный социал-демократический центр, который организует кружковую работу на заводах.

Высланные в Тулу за участие в стачках влиятельные члены петербургского Центрального рабочего кружка В. Буянов и Г. Мефодиев основали там социал-демократическую группу. Разбросанные после высылки по разным городам (Кострома, Курск, Череповец и т. д.), другие члены брусневской группы также продолжали пропаганду социал-демократических идей.

Очень рано возникают социал-демократические кружки в Ростове-на-Дону. Начало им было положено еще в конце 80-х годов. Руководителям образовавшихся позднее кружков В. Я. Алабышеву, А. А. Машицкому и др. удалось установить прочные связи с рабочими Владикавказских железнодорожных мастерских и других крупных предприятий. В кружковую работу

было вовлечено до 150 рабочих. Уже в марте 1894 г. организация руководила большой железнодорожной забастовкой.

Социал- демократические кружки на Украине

На Украине марксистские кружки прежде всего появляются в Киеве, Харькове, Одессе, Екатеринославе. В середине 80-х годов в Киеве имелись два кружка. Один из них был связан с группой Благоева, а другой — с плехановской группой «Освобождение труда». Но оба кружка просуществовали всего по несколько месяцев. Возникшие в начале 90-х годов социал-демократические кружки с участием Я. М. Ляховского, Б. Л. Эйдельмана, Ю. Д. Мельникова оказались более жизнеспособными. Большая заслуга в этом, в частности, принадлежит Мельникову. Группа Мельникова наладила связи с социал-демократическими кружками Петербурга, Москвы, Нижнего Новгорода, Тифлиса. До того как Мельников начал свою деятельность в Киеве, он уже отбыл тюремное заключение в петербургских «Крестах» за участие в рабочем кружке в 1887—1889 гг. в Харькове. В первой половине 90-х годов в Харькове развернул энергичную деятельность социал-демократический кружок студентов Ветеринарного института. Кружок сыграл заметную роль в пропаганде марксизма среди харьковских рабочих.

В Одессе социал-демократические идеи были восприняты отдельными молодыми революционерами еще в 80-х годах от благоевцев и группы «Освобождение труда». В первой половине 90-х годов здесь уже существовало несколько социал-демократических кружков, участниками которых были главным образом студенты Новороссийского университета. Наиболее влиятельным социал-демократическим кружком, установившим прочные связи с рабочими порта, железнодорожных мастерских, нескольких фабрик и типографий, явился кружок в составе Г. В. Циперовича, Ю. М. Стеклова, И. М. Калашникова, М. П. Вельтмана (Павловича) и др., развивший свою деятельность в 1892—1894 гг.

В кружках революционной молодежи Екатеринослава в начале 90-х годов также происходит отмежевание социал-демократического направления от народнического. Образуется несколько марксистских кружков. Активными участниками их были Людмила Сталь, Г. Д. Лейтейзен (Линдов) и др. Появление в Екатеринославе уже сложившихся социал-демократов — П. В. Точисского, А. Н. Винокурова, Г. Н. Мандельштама придало новые силы существовавшим кружкам. Благодаря этому пропаганда идей марксизма становится более систематической. Возникает первый социал-демократический рабочий кружок на металлургическом заводе, в котором ведут работу местные и приезжие марксисты. Создаются рабочие кружки и на других предприятиях города.

В западных районах империи распространение социал-демократических идей облегчалось близостью Западной Европы. В

Социал- демократическое движение в Польше, Прибалтике и Закавказье

Польше уже в 80-х годах развернули энергичную деятельность организации марксистского типа: партия «Пролетариат», а после ее разгрома — «Второй „Пролетариат“». В 1889 г. социал-демократы Польши создают очень влиятельный, тесно связанный с рабочим движением «Союз польских рабочих», который вместе с интернационалистическими элементами «Второго „Пролетариата“» в 1893 г. преобразуется в единую организацию — «Социал-демократию Королевства Польского». Виднейшими деятелями этих организаций являлись Людвик Варынский, Ф. Я. Кон, Ю. Ю. Мархлевский, Роза Люксембург.

Хотя первые социал-демократические кружки в Минске и Вильне были созданы еще в конце 80-х годов, они не оставили после себя заметного следа. В конце 80-х — начале 90-х годов в Белоруссии и Литве кружковая работа более широко велась среди еврейского пролетариата, но она носила по преимуществу просветительно-профессиональный характер, с уклоном к национализму.

В Латвии и Эстонии на рубеже 80-х и 90-х годов социал-демократические идеи распространялись главным образом через студентов латышей, русских и эстонцев, обучавшихся в Петербургском и Юрьевском университетах (П. Стучка, Я. Райнис и др.). Они же являлись и первыми организаторами социал-демократических рабочих кружков в Риге, Либаве и Юрьеве.

В Закавказье идеи марксизма стали распространяться раньше всего в Грузии тремя путями: во-первых, через высланных сюда студентов — участников первых социал-демократических групп в Петербурге и Москве (Г. Я. Франчески, И. И. Лузин, В. К. Родзевич-Белевич); во-вторых, через молодых грузин, которые обучались в Варшаве и Москве и участвовали в имевшихся там марксистских кружках; в-третьих, через распространяемых марксистами передовых русских рабочих, оседавших в Закавказье, спасаясь от преследований полиции и в поисках заработка (Ф. Афанасьев, Ф. Майоров и др.). Первыми грузинскими социал-демократами были писатель Э. Ф. Ниношвили, М. Г. Цхакая, Ф. Н. Махарадзе и др. В 1894 г. они открыто заявили о себе как о новом течении общественной мысли Грузии, представляющем начавший просыпаться рабочий класс.

Таким образом, первое десятилетие существования марксистских кружков в России (1884—1894 гг.) можно разделить на два периода. Рубежом, отделяющим один период от другого, служит голодный 1891 год. В течение первого периода суще-

ствовали лишь единичные социал-демократические кружки — в Петербурге, Казани и некоторых других городах. Они и являлись, наряду с заграничной группой «Освобождение труда», первыми рассадниками марксистских идей в России.

Во втором периоде марксистские кружки появляются не только в столицах и крупных культурных центрах, но и в промышленных городах на периферии. Усиливаются сношения между социал-демократическими кружками разных городов. Кружки обмениваются опытом, литературой, упрочиваются связи между ними. Наряду со студенческой молодежью деятельное участие в руководстве кружками начинают принимать передовые рабочие. Растет число рабочих кружков. Социал-демократическое движение набирает силу и распространяется по всей стране. Формируются молодые марксистские кадры.

Важнейшим условием успеха распространения марксизма на этом этапе было то, что группа «Освобождение труда» теоретически, идейно проложила путь социал-демократическому движению в России и тем самым создала необходимые предпосылки для его победы над народничеством. Но марксистские кружки в России, как и группа «Освобождение труда», делали только первые попытки сближения с рабочим движением. Социализм и рабочее движение продолжали еще существовать раздельно.

5

Революционно-демократическое движение

Революционно-демократическое движение в условиях реакции 80-х годов проявлялось в стихийных, подчас весьма бурных крестьянских волнениях, отдельных выступлениях революционной части студенчества, в деятельности народовольческих и народнических кружков, переживавших идейный кризис и дезорганизованных преследованиями.

Крестьянское движение Резкое оскудение деревни и массовое разорение крестьянства, продолжавшего оставаться «нищим» бесправным сословием, служило неизменной почвой для непрекращавшегося крестьянского движения. Лишенные наиболее ценных участков наделной земли, задавленные непосильными налогами и выкупными платежами, опутанные помещичьей кабалой и отработками, крестьяне не переставали выражать свое недовольство.

Наиболее высоко волна крестьянского движения поднялась в годы, следовавшие непосредственно за второй революционной ситуацией, являясь как бы последним ее всплеском. За четырехлетие 1881—1884 гг. происходило в среднем 77 крестьянских выступлений в год. 1884 год был высшей точкой подъема — 110

крестьянских выступлений. В последующее десятилетие их число сокращается, а в конце века заметно новое оживление движения. Динамика крестьянского движения по пятилетиям такова¹:

Годы	Количество выступлений (в среднем за год)
1885—1889	55
1890—1894	40
1895—1900	72

В 1896 г., когда число выступлений достигло самого высокого уровня за последнее пятилетие (114 выступлений), была несколько превзойдена высшая точка крестьянского движения начала 80-х годов.

С наибольшей силой крестьянское движение проявилось в западных и юго-западных губерниях (в Литве, Белоруссии и на Правобережной Украине), а также в губерниях Черноземного центра (Орловской, Воронежской, Курской и др.). При этом крестьянские «беспорядки», по свидетельству властей, отличались двумя чертами. Во-первых, своей «заразительностью»: «возникнув первоначально в одном уезде, легко переходят в соседние и последовательно обходят почти всю губернию, передка заражая и соседнюю». Во-вторых, — устойчивостью: захватив новые местности, они «более или менее упрочиваются в них»².

Наличие в России громадных помещичьих латифундий и крепостнических пережитков придавало крестьянскому движению ярко выраженный аграрный характер. Борьба за землю была основным его содержанием. «Самовольное нарушение межевых знаков, захват помещичьих земель и самоуправное пользование ими повторяются так часто в разных уездах, что становятся положительно хроническим недугом», — писал в 1896 г. исполняющий должность витебского губернатора в своем отчете царю.

В числе поводов для крестьянских выступлений первое место занимало требование возвращения земель, отрезанных помещиками во время реформы.

С не меньшим ожесточением крестьяне сопротивлялись по-

¹ См. «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века». Сборник документов. Под ред. акад. Н. М. Дружинина. Приводимые ниже сведения взяты из томов «Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.», М., 1960, и «Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.», М., 1959.

² «Красный архив», 1938, № 4—5 (89—90), стр. 218.

пыткам помещиков лишить их права пользоваться лесными и пастбищными угодьями в неразмежеванных дачах.

Недостаток земли, отсутствие необходимых угодий, помещичий произвол породили у крестьян стремление к переселению в Западную Сибирь, на Амур и в другие места, манившие к себе земельным привольем. Переселенческая лихорадка не раз охватывала десятки тысяч крестьян западных и юго-западных губерний. При этом крестьяне говорили: «Если нас не пустят, мы сделаем мятеж, как в 1863 г., — тогда паны желали подушить нас, а теперь мы их подушим и будем жить свободнее».

В 1890 г. жители многих волостей Чериковского и Климовического уездов Могилевской губернии, распродав за бесценок все свое имущество и переуступив соседям земельные наделы, снялись с насиженных мест и стали стекаться к условленным пунктам, чтобы всей массой двинуться на восток. Лишь экстренные меры, принятые властями, остановили поток переселенцев и вынудили их вернуться на прежние места жительства.

Волнения на аграрной почве составляли в конце XIX в. около $\frac{3}{5}$ общего числа всех крестьянских выступлений.

Другой распространенной причиной крестьянских волнений были чрезмерные налоговые тяготы и повинности, вконец разорявшие крестьян. Взимание податей и недоимок по ним с крестьянской бедноты, сопровождавшееся продажей имущества и уводом скота, подчас вызывало стихийный взрыв недовольства всей деревни, нападения на приставов, урядников, сборщиков податей. Примерно пятая часть всех крестьянских выступлений представляла собой сопротивление крестьян налоговому гнету, в особенности выколачиванию недоимок, взысканию по суду или в административном порядке «долгов» и штрафов в пользу помещиков.

Поводы для остальных крестьянских выступлений были самые различные. На первое место здесь выдвигается протест крестьян против сословной неполноправности и полицейской опеки. Резкое противодействие вызвало введение в 1889 г. института земских начальников, этой якобы «близкой к крестьянам» власти. «Известен, — писал В. И. Ленин, — факт растущего возмущения в крестьянстве (в котором даже убогие обрывки образования начали уже пробуждать чувства человеческого достоинства) против дикого произвола той шайки благородных оборванцев, которую напустили на крестьян под именем земских начальников»¹. Крестьяне, как признавали сами царские власти, в законе 1889 г. усмотрели возвращение к «панщине» и «крепостной зависимости».

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 228.

К концу XIX в. не только помещичий и самодержавный гнет поднимал массы крестьян на борьбу, которую В. И. Ленин называл первой социальной войной. Наряду с ней в недрах деревни стала разгораться вторая социальная война, война крестьянской бедноты и сельскохозяйственных рабочих против новых землевладельцев — купцов-предпринимателей, капиталистических фермеров, субарендаторов-кулаков и т. п.

В 1884 г. черниговский вице-губернатор, рассматривавший дело о захвате крестьянами нескольких селений Нежинского уезда помещичьих пастбищ, перепродававшихся крестьянам втридорога посредниками-арендаторами, писал: «Очевидно, что ныне возникла серьезная экономическая борьба между собственниками земли и крестьянами и систематический поход крестьян против арендаторов, или, лучше сказать, против всякого рода посредников между ними и собственниками земли, безразлично, к какой бы вере, званию, состоянию и сословию эти посредники ни принадлежали... Подобные личности не одиноки, их целый многочисленный класс...»

Участились забастовки сельскохозяйственных рабочих, главным образом на юге России и на Украине. В некоторых экономах имели место «учиненные скопом» поломки сельскохозяйственных машин.

По своему характеру крестьянское движение, в силу раздробленности земледельческого производства, разбросанности сел и деревень, темноты и забитости крестьян, являлось по преимуществу локальным и стихийным. При этом численно преобладали пассивные формы выражения недовольства крестьян — подача жалоб и прошений властям, отказ от выполнения повинностей и уплаты штрафов за поправы и пр., неявка в суд и отказ от составления сходами разного рода приговоров по требованию властей.

Недовольство крестьян выливалось и в насильственные действия против помещичьей и казенной собственности (запашка помещичьей земли, порубки леса, выгон скота на господские луга, поджоги помещичьего имущества и т. п.).

Воронежский помещик Станкевич в 1884 г. жаловался министру внутренних дел, что «поджоги, порубки и поправы в помещичьих имениях сделались заурядным явлением в Острогожском уезде». Помещик просил министра поставить в имении «небольшую воинскую команду, преимущественно из казаков...»

Имели место и иные формы противодействия помещикам и властям. Крестьяне уничтожали межевые знаки и прогоняли землемеров, избивали лесную стражу и помещичьих служащих, решительно противились аресту вожаков.

Средством, к которому неизменно прибегали власти, чтобы подавить разраставшееся крестьянское движение, был вызов регулярных войск и казаков. Наиболее частыми вызовы войск были при подъеме крестьянского движения в начале 80-х годов: до 10—15 раз в отдельные годы и непосредственно после объявления закона о земских начальниках (1890 г.) — до семи-восьми раз в год.

Случалось, что вызванные для умирения крестьян войска встречали вооруженное сопротивление. Прибывший с отрядом казаков в слободу Должик Харьковского уезда губернатор приказал окружить собравшуюся на площади толпу крестьян, протестовавших против закона о земских начальниках. «Увидя себя окруженными, — говорилось в жандармском донесении об этом выступлении, — крестьяне оцепенели. В этот момент совершенно неожиданно из-за углов домов и построек выскочили жены и подростки крестьян с кольями, налками, вилами и другими орудиями, бросились к казакам, нанося им и их лошадям удары, передавая вместе с тем дреколья окруженным крестьянам, которые также вступили в драку с казаками...» Казаки дрогнули и готовы были отступить; только голос командира заставил их снова построиться, чтобы очистить площадь от сопротивлявшихся крестьян.

Одновременно с некоторым подъемом крестьянского движения в нем все чаще наблюдаются признаки организованности. В качестве вожаков крестьян наряду с отставными солдатами и пользующимися уважением «мира» деревенскими стариками выступают и высланные из города за революционную деятельность промышленные пролетарии или поддерживавшие связь с деревней рабочие.

В среде крестьянства все заметнее проявляются чувство человеческого достоинства и вера в силу общего отпора. Власти реже осмеливаются прибегать к розге. Спустя 40 лет после отмены крепостного права помещик имел перед собой уже иного крестьянина. «...Времена изменились, и вместо избитых, раздавленных рабов он встретил бодрое молодое поколение, готовое постоять за свои права человека и гражданина», — должен был признать в своем донесении (в 1899 г.) один из жандармских начальников.

Таким образом, все более подготовлялась почва для того мощного подъема крестьянского движения в России, которым было отмечено наступление нового века.

Студенческое движение Ярким выражением открытого протеста лучших представителей русской интеллигенции против существующего строя являлось не прекращавшееся и в годы реакции студенческое движение. Новым университетским уставом 1884 г. устанавливался настоящий по-

Курсистка

лицейский надзор за студентами. Протест против подобных стеснений академической свободы был, однако, лишь ближайшим поводом для студенческих выступлений.

«Коренная причина студенческих волнений, — отмечал позднее Плеханов, — заключается не в недостатках университетского устава и не в отсутствии у нас академической свободы, как ни велики эти недостатки и как ни печально это отсутствие. Она лежит глубже... Недовольство, выражающееся в студенческих волнениях, коренится в общем недовольстве интеллигенции»¹.

Лучшая часть студенчества была не только оппозиционным общественным элементом, но и резервуаром революционных сил, откуда черпали свое пополнение революционные партии. Захватченные передовыми идеями студенты шли «в народ»: в деревню — в эпоху революционного народничества, на фабрики и заводы — в конце века.

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XII, стр. 141.

Оппозиционное настроение этой части молодежи проявлялось как в форме студенческих волнений, так и в виде выступлений по разным «благовидным» поводам (таким, например, как похороны общественных деятелей), носивших характер политических демонстраций. Одним из подобных выступлений явилась так называемая «Добролюбовская демонстрация» студентов в Петербурге 17 ноября 1886 г., в день 25-й годовщины со дня смерти Н. А. Добролюбова.

Большими студенческими волнениями отмечен 1887 год. После неудавшегося покушения на Александра III, предпринятого А. И. Ульяновым, П. Я. Шевыревым и другими студентами Петербургского университета, репрессии против студентов повсеместно усилились. Ответом было сильное оппозиционное брожение.

Сигналом к студенческим «беспорядкам» послужило выступление студентов Московского университета. 22 ноября на студенческом концерте один из студентов дал пощечину инспектору Брызгалову, снискавшему особую ненависть студентов за осуществлявшуюся им слежку за профессорами и студентами. Студент был тут же арестован. Через день пришло в движение все студенчество Москвы. Сходка во дворе университета закончилась рукопашной схваткой с полицией. В конце года состоялись открытые выступления студентов Петербургского, Казанского, Харьковского и других университетов. Протесты и требования студентов находили сочувствие у передовой части профессуры.

Университетское начальство, будучи бессильным справиться с волнениями, обратилось к полиции. Во всех университетских городах произошли многочисленные аресты и высылки студентов. В числе высланных студентов был В. И. Ленин. Чтобы пресечь волнения и искоренить «крамолу», правительство на время закрыло пять университетов и два института.

Не прошло и двух лет после этих репрессий, как студенческое движение снова оживает — активизируют свою деятельность землячества и студенческие кружки, развертываются дискуссии, в ходе которых постепенно одерживает верх социал-демократическое направление (особенно в Петербурге). На смерть Н. Г. Чернышевского петербургские студенты отозвались устройством 24 октября 1889 г. панихиды во Владимирском соборе, вылившейся в политическую демонстрацию с участием 1500 человек.

Введение в высшей технической и сельскохозяйственной школах тех же порядков, какие устанавливались новым университетским уставом, повлекло за собой новую волну студенческих волнений. Весной 1890 г. произошли бурные выступления студентов в Технологическом институте и в универси-

Студент

тете в Петербурге, в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве, в Сельскохозяйственном институте в Новой Александрии и т. д. Студенты требовали университетской автономии и возвращения к уставу 1863 г., отмены ограничений при поступлении в университеты, свободы преподавания и студенческих корпораций и т. д.

Новые расправы, обрушившиеся на революционно настроенную молодежь, привели к затишью в студенческом движении. Но уже в 1894 и 1896 гг. оно вновь активизировалось.

Студенты не переставали требовать изменения университетского устава. В 1894 г. московские студенты решили по этому поводу обратиться с петицией к молодому царю Николаю II. Петиция была перехвачена полицией. Последовали многочисленные аресты студентов. Возмущение студентов действиями властей открыто проявилось на очередной лекции проф. В. О. Ключевского в университете. Его панегирик умершему царю Александру III был встречен протестующими криками и свистом. Начались сходки студентов, сопровождавшиеся

столкновениями с полицией, арестами. Волнения студентов в Москве и других городах повторились и в 1896 г.

К середине 90-х годов политические тенденции в студенческом движении заметно усиливаются. Собранный в 1896 г. в Москве съезд представителей объединенных землячеств должен был поставить в повестку дня вопрос об отношении студенчества к социалистической пропаганде. При этом было признано желательным, чтобы «возможно большее число участников студенческих групп переходило в ряды рабочей партии»¹. Все большее сближение лучших элементов студенчества с социал-демократией было одним из свидетельств наступления нового этапа в освободительном движении в России.

В самый канун нового века — в 1897 и 1899 гг. — студенческие волнения в Петербурге, Москве и других городах России вспыхнули с новой силой.

**Группы революционных
народников
в 80-х — начале
90-х годов**

Революционное народничество в 80-х годах все более отодвигалось на второй план либерально-народническим течением. Знаменитый Исполнительный комитет

«Народной воли» в течение года-двух непрерывными арестами был уничтожен. Только немногие из его членов успели скрыться за границу. На периферии продолжали существовать народовольческие группы, объединявшие вокруг себя революционную молодежь и отдельных передовых рабочих. Ореол «Народной воли» и ее героев долго держал в плену воображение многих лучших представителей русской молодежи. Однако все попытки восстановить центральную организацию «Народной воли» терпели неудачу.

Прибывший весной 1884 г. из-за границы Г. А. Лопатин с целью возрождения «Народной воли» объехал многие города России. Начатая им работа по объединению уцелевших народовольческих групп и восстановлению центральной организации была прервана его арестом в октябре 1884 г. Отобранная у него записная книжка с адресами и явками дала полиции возможность арестовать многих видных народовольцев на местах и в ряде случаев начисто уничтожить остатки народовольческих организаций.

Еще одна попытка объединения сохранившихся народовольческих организаций была сделана Б. Д. Оржихом в 1884—1886 гг. на юге России, с тем чтобы потом восстановить связи с народовольцами в Петербурге и других северных городах. Оржиху вместе с В. Г. Тан-Богоразом удалось издать очередной и последний (11-12-й) номер «Народной воли». Но снова произошел провал всей организации.

¹ С. Мельгунов. Студенческие организации 80—90-х гг. в Московском университете. М., 1908, стр. 100.

Из других народовольческих организаций в 80-х годах больше других проявили себя «Молодая партия „Народной воли“» и «Террористическая фракция „Народной воли“». Самым видным деятелем первой из них был поэт П. Ф. Якубович-Мельшин. Молодые народовольцы отстаивали идею фабричного и аграрного террора в отношении наиболее злостных притеснителей народа. «Террористическая фракция „Народной воли“» во главе с А. И. Ульяновым хотя и испытала на себе некоторое влияние марксизма, но, как показывает ее программа, главным средством борьбы с самодержавием считала систематический террор. Неудавшаяся попытка 1 марта 1887 г. повторить акт царубийства привела к разгрому организации и казни ряда ее участников.

Общественный подъем в начале 90-х годов вызвал появление еще одной народовольческой организации — «Группы народовольцев» в составе М. С. Александрова (Ольминского), А. А. Федулова, А. А. Ергина и других, в дальнейшем из-за арестов сильно обновившейся. Группа имела значительные связи среди рабочих Петербурга, свою типографию, в которой были напечатаны некоторые издания петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Преодоление влияния народовольческих теорий на рабочих было одной из важнейших задач молодой русской социал-демократии. «В 80-х и начале 90-х годов, — писал В. И. Ленин, — когда начинали практически работать в России социал-демократы, они видели перед собой, во-1-х, народовольцев, которые упрекали их в том, что они отстраняются от политической борьбы, завещанной русским революционным движением, и с которыми социал-демократы вели упорную полемику, а во-2-х, российское либеральное общество, которое тоже недовольно было поворотом революционного движения от народовольчества к социал-демократии»¹. В полемике, которая велась в середине 90-х годов с народовольцами по вопросу о политической борьбе, смогли уже принять участие передовые рабочие, прошедшие марксистскую подготовку в кружках под руководством революционных социал-демократов.

После разгрома партии «Черный передел» кружки чернопередельцев в течение 80-х годов еще продолжали существовать в Перми, Пензе, Харькове и других городах. Они вели пропаганду среди крестьян и рабочих, но без большого успеха. Отдельные участники этих кружков, перейдя на позиции марксизма, вошли затем в состав первых социал-демократических организаций. Некоторая часть бывших чернопередельцев влилась в общий поток либерального народничества.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 266.

**Либеральное движение.
Борьба революционных марксистов
с мещанским социализмом и ревизионизмом**

Буржуазно-демократическое движение в России, кроме радикального, демократического крыла, имело умеренное, либеральное крыло.

В общественной жизни 80-х и первой половины 90-х годов на авансцену выступает либеральное течение. Не случайно этот период В. И. Ленин называл «буржуазно-либеральной эпохой».

Земское движение Помещичий либерализм нагляднее всего проявился в земском движении. Новое земское положение 1890 г. отнимало почти всякую возможность для легальной оппозиции самодержавию со стороны земства. Земские либералы не могли без конца мириться с произволом самодержавной власти. «Земцы — цензовики и предводители дворянства, — писал В. И. Ленин, — суть *демократы*, поскольку они выступают против самодержавия и крепостничества. Их демократизм ограничен, узок и непоследователен, как ограничен, узок и непоследователен... весь и всякий буржуазный демократизм»¹. Земский либерализм, при всей его дряблости и непоследовательности, в течение долгого времени был наиболее заметным проявлением конфликта между старым и новым господствующими классами — крепостниками-помещиками и буржуазией (пока главным образом в лице обуржуазившихся помещиков). Земские либералы продолжали вести линию легальной оппозиции самодержавию, которая, по словам Ленина, состояла в том, чтобы «десять лет только и делать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать»². Иногда они осмеливались лишь пассивно противодействовать тому или иному мероприятию царской бюрократии, направленному против земства.

Восшествие на престол нового царя — Николая II породило среди земских либералов новые надежды на «дарование» конституции сверху. Но, после того как царь объявил эти надежды «бессмысленными мечтаниями», земцы надолго присмирели.

Важную роль в земствах играла интеллигенция. Именно она и заставляла самодержавие подозрительно относиться к земству. С расширением деятельности земств в области врачебной и агрономической помощи населению, народного образования увеличивалась и численность земской интеллигенции,

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 184.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 94.

пополнявшейся за счет статистиков, врачей, агрономов, ветеринаров, педагогов, техников. Среди них было немало лиц, которые пошли на земскую службу движимые горячим сочувствием к народу. В земской интеллигенции было много народнических элементов, подвергавшихся в прошлом репрессиям за революционную деятельность, а к концу века на службу в земства стали поступать и отдельные марксисты.

Особенно заметной была роль земской интеллигенции в общественном подъеме, начавшемся после голодных 1891—1892 годов. Земские статистики собирали сведения о пораженных неурожаем местностях, количестве голодающих, размерах требуемой продовольственной помощи. Земства закупали на собранные средства хлеб для голодающих. Земские врачи, учителя и прибывшие из городов студенты открывали столовые, устраивали медицинские пункты для населения, страдавшего от эпидемии тифа и холеры.

Земская интеллигенция поддерживала связь с либеральными и народническими литераторами, либеральными профессорами Петербурга, Москвы и других университетских центров. Благодаря этому ареной для выступлений представителей земской интеллигенции сделались также «Вольное экономическое общество» в Петербурге, «Юридическое общество при Московском университете» и другие научные общества.

Партия «Народного права» В первой половине 90-х годов возникла нелегальная организация демократической интеллигенции, имевшая целью осуществить основную идею буржуазного либерализма — идею борьбы за политическую свободу, за конституцию. Это была партия «Народного права». В программе, изданной в 1894 г., ее инициаторы насущным вопросом считали объединение всех оппозиционных сил во имя уничтожения самодержавия.

Характерной особенностью провозглашенной программы было смешение воедино чисто демократических идей и требований (представительное правление, свобода вероисповедания, признание прав национальностей, независимость суда, свобода печати, свобода сходов и обществ, неприкосновенность личности) с псевдосоциалистическими идеями в духе народничества. Сами организаторы партии «Народного права» (М. А. Натансон, О. В. Аптекман и др.) и близкий к ней Н. К. Михайловский продолжали исповедовать народническую доктрину.

Партия «Народного права» не сумела опереться на оппозиционные буржуазные слои и мелкобуржуазные демократические элементы города и деревни, которые только и могли придать ей силу, будучи заинтересованными в демократических преобразованиях. Просуществовав всего около года, партия «Народного права» была разгромлена.

Отражением усилившегося процесса разложения крестьянства явилось вырождение социально-революционного народничества в либеральное народничество, в мелкобуржуазный, мещанский социализм.

Либеральное народничество

К 90-м годам либерально-народническое течение сделалось господствующим среди прогрессивной интеллигенции. Народнические идеи пропагандировались не только на страницах толстых журналов (например, «Русской мысли»), но и некоторых центральных газет («Русские ведомости»), проводились в земских исследованиях, сборниках, описаниях и т. п. Они провозглашались с трибун всевозможных съездов и собраний прогрессивной интеллигенции города и деревни. Это широкое распространение народничества казалось его громадным и неоспоримым успехом.

В. И. Ленин по этому поводу писал: «Но только ведь это совсем не народничество (в старом, привычном значении слова), и успех этот и это громадное распространение вширь достигнуты ценой опошления народничества, ценой превращения социально-революционного народничества, резко оппозиционного нашему либерализму, в культурнический оппортунизм, сливающийся с этим либерализмом, выражающий только интересы мелкой буржуазии»¹.

Главной идеей либерального народничества была мысль о диаметральной противоположности крестьянского «трудового хозяйства» буржуазному хозяйству. Теоретики либерального народничества считали, что принцип манифеста 19 февраля 1861 г. — наделение крестьян землей был каким-то совершенно особенным принципом, отличным от того, на котором покоился хозяйственный строй западноевропейских буржуазных государств. Они заявляли, что «доставление самим производителям орудий труда» служит залогом особого, некапиталистического пути развития России.

На самом деле реальная тенденция эволюции мелких производителей — крестьян, при господстве в стране товарного хозяйства, вела к превращению их в товаропроизводителей, в мелких буржуа. А поскольку в своих реформаторских планах, направленных на поддержку мелкого «народного производства», народники не сходили с почвы существующего общественно-экономического строя, оставляли в неприкосновенности товарное хозяйство, то их социализм был на деле мелкобуржуазным, мещанским социализмом. Прикрытием этого факта и служила либерально-народническая теория о возможности для России миновать капитализм, о неклассовом характере русской демо-

кратической интеллигенции и пр. «Эта теория, — писал В. И. Ленин, — была теорией утопического мещанского социализма, т. е. мечтанием мелкобуржуазных интеллигентов, которые искали выхода из капитализма не в классовой борьбе наемных рабочих с буржуазией, а в воззваниях ко „всему народу“, к „обществу“, то есть к той же буржуазии»¹.

В начале 90-х годов литературной цитаделью либерального народничества сделался журнал «Русское богатство», перешедший в руки группы Михайловского. В нем принимали также участие и другие теоретики народничества — на первых порах В. В. (В. П. Воронцов), автор книги «Судьбы капитализма в России» (1882 г.) и долголетний корреспондент К. Маркса и Ф. Энгельса Николай — он, автор другого основополагающего народнического труда — «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства» (1893 г.). Теоретическое обоснование народничества сопровождалось отказом от революционной борьбы, критикой марксизма и травлей русских социал-демократов.

Поход народников против марксистов

В условиях общественного оживления, начавшегося после голодного 1891 и холерного 1892 годов, либеральное народничество главную для себя опасность видело в марксизме, который все более распространялся и упрочивался на русской почве. Либеральные народники, будучи сторонниками мирного прогресса, ополчались против революционных марксистов, желавших, по словам В. И. Ленина, оставаться «сторонниками социальной революции и обучать, руководить и организовать действительно революционные общественные элементы»².

Поход против марксистов открыл самый авторитетный и талантливый либерально-народнический публицист — Н. К. Михайловский. С осени 1893 г. он начал печатать в журнале «Русское богатство» серию статей, в которых, используя выгоды привилегированного положения легального органа, яростно обрушился на революционных марксистов, лишенных возможности отвечать ему публично. Михайловский и другие либеральные народники клеветали на марксистов и извращали марксизм, чтобы легче было его «опровергнуть». Революционную доктрину, которая являлась последним словом общественной науки и соединяла в себе строгую научность с последовательной революционностью, они изображали в виде какой-то фаталистической «схемы» самопроизвольного превращения индивидуальной собственности в общественную. Михайловский заявлял, что «марксисты прямо настаивают на необходимости разрушить нашу экономическую организацию, обеспечивающую трудяще-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 283.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 321.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 184.

муся самостоятельное положение в производстве», что они готовы поступить на службу к капитализму. С ответом народникам выступил П. Б. Струве. В 1894 г. он напечатал «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», в которых попытался открыто противопоставить в легальной печати народническому мировоззрению якобы марксистские взгляды. В предисловии к этой книге автор заявлял, что он примыкает к марксизму только «по некоторым основным вопросам» и что «ортодоксией он не заражен». Взгляды Струве в самом деле были весьма далеки от марксизма. Его выступление дало повод либерально-народнической прессе для новых многочисленных нападок на русских марксистов.

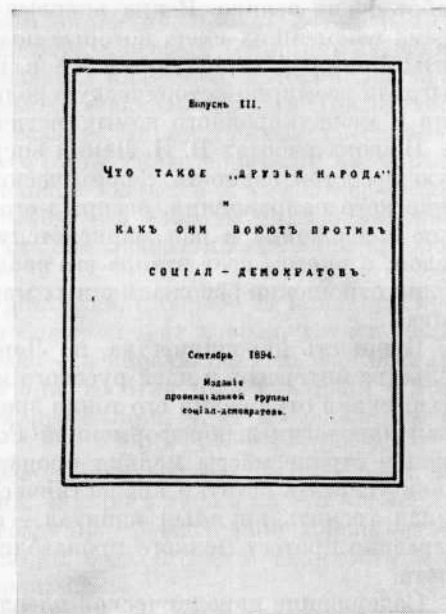
**Выступление
Г. В. Плеханова
в защиту марксизма**

В самом конце 1894 г. против философских и социологических воззрений Н. К. Михайловского, против «субъективного метода» в социологии, в защиту и с обоснованием диалектического материализма выступил Г. В. Плеханов, по характеристике В. И. Ленина, «самый знающий по философии марксизма социалист». Под псевдонимом Н. Бельтов ему удалось издать легально в Петербурге книгу под названием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

В своем труде Плеханов показал, что диалектический материализм К. Маркса и Ф. Энгельса, приверженцами которого являлись русские революционные марксисты, вобрал в себя и обобщил результаты векового развития западноевропейской философской и исторической мысли. Характеризуя современный материализм, Плеханов мастерски обрисовал исторические взгляды Маркса, его теорию исторического материализма, согласно которой отношения производства, экономика служат основой для идеологической надстройки — политики, науки, философии, искусства и т. д. Он показал, что материалистическое объяснение истории подготовлено всем предшествующим развитием науки об обществе, тогда как «субъективный метод» народников — всего лишь воспроизведение давно отвергнутой наукой (после исчерпывающей критики Маркса и Энгельса) идеалистической философии «самосознания» братьев Бауэров, впервые перенесенной на русскую почву П. Л. Лавровым.

Большой заслугой Плеханова было то, что в своей книге он развенчал идеалистическую теорию «героев и толпы» Михайловского, противопоставив ей марксистское понимание роли личности, роли народа, роли передовых революционных классов в истории.

Книга Плеханова (Бельтова) сыграла важную роль в повороте передовой мыслящей молодежи к марксизму, который произошел в середине 90-х годов. По свидетельству современника, «Бельтовым клялись. Бельтова читали запоем в каждом гимна-

Обложка третьего выпуска работы В. И. Ленина «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»

зическом кружке. „Народник“, „субъективист“ стали бранными словами... народнические храмы пустели все более и более». Не случайно В. И. Ленин отмечал, что на книге Плеханова воспиталось целое поколение марксистов.

Борьба В. И. Ленина с народничеством

Однако одной критики «субъективного метода» народников и противопоставления ему философии марксизма — диалектического и исторического материализма — было еще недостаточно для победы нового направления. Требовалось, во-первых, критически рассмотреть всю систему взглядов либерального народничества и, во-вторых, что было еще более насущной задачей, — на основе марксистского метода проанализировать всю русскую действительность и, исходя из этого, наметить программу практических действий революционной социал-демократии. Эту задачу выполнил В. И. Ленин уже в первых своих работах. Весной и летом 1894 г. появились изданные нелегально три выпуска книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» В 1895 г. увидела свет статья «Экономическое содержание народничества», напечатанная в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Сборник был вскоре сожжен по распоряжению цензуры, но 100 экземпляров его удалось распространить. Значение этих

работ очень велико. В них впервые была оформлена целая система важнейших идей, которые позднее были всесторонне развиты Лениным и, получив в XX в. наименование большевизма, сыграли всемирно-историческую роль в судьбах русской революции и международного коммунистического движения.

В своих работах В. И. Ленин впервые показал полную научную несостоятельность теоретических основ либерально-народнического направления, раскрыл его философское и экономическое содержание и дал марксистскую оценку народничества в целом, с учетом всех этапов его эволюции. Тем самым он определил отношение революционных марксистов к их предшественникам.

Сущность народничества, по Ленину, состояла в представлении интересов и идей русского мелкого производителя, крестьянина, в отражении его точки зрения. Господство народнической идеологии в пореформенной России было связано с наличием в стране массы мелких производителей, которых продолжали угнетать остатки крепостничества, с одной стороны, и начинал теснить крупный капитал — с другой. Народничество и выразило протест мелкого производителя против того и другого гнета.

Содержание народнической идеологии менялось по мере экономической эволюции самих мелких производителей, превращавшихся в товаропроизводителей, мелких буржуа. Поэтому В. И. Ленин всегда отличал старое, классическое, революционное народничество — русский «крестьянский социализм» от либерального народничества — мещанского, мелкобуржуазного социализма. Как социалистическая доктрина утопический русский «крестьянский социализм» представлял собой относительно стройную систему взглядов. Основой ее являлась *«вера в особый уклад, общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции»*¹. Исповедовавшие эту веру революционные народники считали крестьянскую общину зачатком и фундаментом социализма, а крестьянина-общинника — готовым социалистом. Видя буржуазный характер пореформенной России, они искали «залогов будущего» в «общинном быте» народа. Политику они отвергали, как якобы выгодную одной лишь буржуазии, а к либерализму русского «общества» относились отрицательно, так как за ним видели вождения той же буржуазии. Чтобы поднять крестьянство на социалистическую революцию, призванную разрушить самые основы буржуазного общества, они «шли в народ».

Но крестьянство, поставленное после реформы 1861 г. в условия развивавшегося товарного хозяйства и капитализма, проник-

нутое частнособственническим индивидуализмом, осталось глухим к призывам народников. Вера в особый (общинный) уклад крестьянского хозяйства оказалась иллюзией, которая при первом же столкновении с жизнью развеялась как дым. После этого народники решили, что отозваться на их призыв крестьянам мешает правительство, и все свои силы обратили на борьбу с ним, ведя ее с исключительной энергией и самоотверженностью. Главным средством борьбы они избрали индивидуальный террор с целью дезорганизации сил правительства и его свержения.

Перейдя, вопреки своей доктрине, к борьбе за политическую свободу, народники сделали большой шаг вперед, хотя и понимали эту борьбу слишком узко — в первую очередь как организацию заговора. И вели ее они во имя прежней цели — крестьянской социалистической революции, т. е. на основе несостоятельной теории.

Исторической заслугой революционных народников, этих, по характеристике В. И. Ленина, «лучших людей своего времени», были боевой демократизм, создание превосходной конспиративной революционной организации, беззаветная преданность делу революции, бесстрашие и героизм.

Что же касается революционной теории и тактики, то здесь революционное народничество, в основном дало лишь отрицательный опыт. Заслугой народничества было то, что оно поставило перед русской общественной мыслью вопрос о капитализме. Но решило оно этот узловый вопрос пореформенной эпохи в корне неправильно — с позиций устарелых западноевропейских социалистических учений. Из ложных теоретических установок вытекало и неправильное решение народниками программных и тактических вопросов. Не случайно, касаясь исторических уроков русского революционного движения, Ленин отмечал, что прогресс последнего состоял «не в завоевании каких-либо положительных приобретений, а в освобождении от вредных иллюзий. Мы освободились от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием геройской интеллигенции»¹.

С 80-х годов революционное народничество стало неуклонно вырождаться в либеральное, в мелкобуржуазный реформизм. «Тускнела вера в особый уклад крестьянского хозяйства, в общину как зародыш и базис социализма, в возможность миновать путь капитализма посредством немедленной социальной револю-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 4, стр. 271.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 71—72.

ции»¹. Программа либеральных народников свелась к требованию от «общества» и правительства мероприятий по укреплению мелкого крестьянского хозяйства и кустарных промыслов («народного производства»), т. е. не была направлена на уничтожение существующего строя, а вполне укладывалась в его рамки.

Перерождение революционного народничества в либеральное было естественным и неизбежным, поскольку само крестьянское хозяйство, вынужденное работать на рынок, становилось товарным, предпринимательским, т. е. по своему типу хозяйством буржуазным, или же постепенно разорялось, пролетаризировалось; крестьянство раскалывалось на деревенскую мелкую буржуазию и сельский пролетариат. Заботясь о мерах для поднятия экономического уровня крестьянского хозяйства, народники объективно неслись об интересах сельской мелкой буржуазии. Таким образом, само экономическое развитие отняло всякую почву у мифа об особом (общинном, т. е. небуржуазном) укладе крестьянского хозяйства. «От прикосновения с действительностью, — отмечал В. И. Ленин, — миф рассеялся, и из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства»².

В идеологии народничества нельзя не видеть двух сторон: прогрессивной, революционно-демократической, и реакционной, поскольку сам класс мелкой буржуазии, класс крестьянства, интересы которого народники отражали, имел двойственный характер. Реакционным было стремление мелкой буржуазии сохранить свое положение как класса. Вместе с тем под лозунгом «уравнительности» крестьянство боролось против феодального землевладения, средневековых привилегий и всех остатков крепостничества. В этом заключалась прогрессивная сторона его устремлений. Общедемократические требования самоуправления, предоставления крестьянам гражданских прав, подъема мелкого хозяйства путем удешевления кредита, улучшения техники, организации сбыта, отмены выкупных платежей, возвращения отрезанных земель — вплоть до полной конфискации помещичьего землевладения и национализации земли — это были требования класса, революционно настроенного, готового к решительной борьбе с абсолютизмом и остатками крепостничества, и пролетариат готов был их поддерживать. «...Борьба рядом с радикальной демократией против абсолютизма и реакционных сословий и учреждений, — писал В. И. Ленин, — прямая обязанность рабочего класса, которую и должны внушать ему социал-демократы...»³ Борьба за демократические требования в союзе

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 8, стр. 77.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 286.

³ Там же, стр. 301.

с крестьянством была средством, облегчавшим пролетариату борьбу против самодержавия и буржуазии.

Таким образом, в результате всесторонней критики народничества В. И. Ленин показал исторические истоки, экономическое содержание и обнажил классовые корни народничества как революционно-демократического течения. Одновременно с этим он сформулировал одну из основных идей большевизма — идею союза пролетариата с крестьянством в борьбе с абсолютизмом и остатками крепостничества.

**Обоснование
В. И. Лениным задач
пролетарской партии**

В полемике с либеральными народниками В. И. Ленин блестяще защитил основы марксистского мировоззрения и мастерски применил теорию марксизма к объяснению русской истории и русской экономической и политической действительности, обосновал историческую миссию российского пролетариата и задачу создания революционной пролетарской партии. Отстаивая материализм и диалектику, применяя глубоко и цельно усвоенное учение Маркса об общественно-экономических формациях и смене их как естественно-историческом процессе к истории России, Ленин впервые подвел подлинно научный фундамент под изучение русской истории и действительности.

Всесторонне проанализировав русскую экономическую действительность, Ленин убедительно доказал, что основу ее составляют система товарного хозяйства, переросшего в капитализм, и отживающие феодально-крепостнические отношения. Свои плодотворные идеи об экономическом строе и складывающихся общественных классах в России Ленин широко развил в последующих трудах. Так, его статья «Экономическое содержание народничества» во многих отношениях, как он сам отметил, являлась конспектом позднейших «экономических работ (особенно „Развития капитализма“)»¹.

Глубоко исследовав все стадии развития капитализма в сельском хозяйстве и промышленности России, Ленин показал, что только крупная машинная индустрия смогла создать подлинно революционный класс — класс пролетариев. Последний был естественным представителем «всего трудящегося и эксплуатируемого населения... потому, что эксплуатация трудящихся в России повсюду является по существу своей капиталистической, если опустить вымирающие остатки крепостнического хозяйства». Рабочий класс — это единственный до конца последовательный борец за освобождение всего эксплуатируемого населения, так как «крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным ме-

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 98.

стом и определенным эксплуататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу»¹. Ленин указал, что историческая миссия российского рабочего класса заключается в осуществлении его руководящей роли, гегемонии в борьбе трудящихся масс за уничтожение всех видов угнетения и эксплуатации, в великом деле построения коммунистического общества.

Определив, что историческое назначение и сущность социал-демократии состоит в соединении социализма с рабочим движением, Ленин выдвинул на первый план, поставил на практические рельсы задачу организации социалистической рабочей партии, которая призвана осуществить это соединение. Ближайшими задачами социал-демократии, по мысли Ленина, являлись: 1) теоретическая разработка марксистского понимания русской истории и действительности, 2) пропаганда марксистской теории среди рабочих и 3) выработка подходящей для русских условий формы организации для сплочения рабочих в политическую силу.

Наряду с этим Ленин в «Друзьях народа» выступил последовательным сторонником применения к России марксовской идеи перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Последние строки этой книги явились поистине великим прочтением: «...Русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) *прямой дорогой открытой политической борьбы* к победоносной коммунистической революции»².

Поворот передовой общественной мысли от народничества к марксизму

Поход, начатый вожаками либерального народничества против революционного марксизма, не только не принес им лавров, но и послужил началом поворота передового общественного мнения от народничества

к марксизму. Именно с этого момента марксизм становится массовым и самым влиятельным общественным течением в России.

Вот что писал об этом В. И. Ленин, вспоминая время, отмеченное первыми и явными успехами марксизма в России: «Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов... Внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех „интересующихся“ понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 314.

² Там же, стр. 312.

Обложка первого издания книги В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»

(революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг»¹.

В числе этих марксистских книг были такие, как имеющий эпохальное значение труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», его же «Экономические этюды и статьи», упоминавшаяся выше знаменитая полемическая работа Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» и др.

Марксисты Поволжья в 1896—1897 гг. легально издавали в течение нескольких месяцев газету «Самарский вестник», в списке авторов которой фигурировали Г. В. Плеханов, П. П. Маслов, А. Н. Потресов и другие марксисты. В 1897 г. в Петербурге

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 15—16.

к марксистам перешел журнал группы народников — «Новое слово», но после девятой книжки он был закрыт. В 1899 г. стал издаваться другой легальный марксистский орган — «Начало», на пятом номере также закрытый властями. В конце 90-х годов марксисты получили возможность печататься в прогрессивных журналах «Научное обозрение», «Образование», «Жизнь».

Это кратковременное процветание марксизма в легальной литературе, способствовавшее быстрому распространению марксистских идей в России, в большой мере сделалось возможным благодаря союзу с попутчиками из буржуазно-демократической интеллигенции, в который вошли революционные марксисты для борьбы с народничеством. Для этих попутчиков — Струве, Туган-Барановского, Булгакова, Бердяева и др. марксистский флаг являлся лишь прикрытием, средством в борьбе с мелкобуржуазными утопиями народников в целях утверждения своих либерально-буржуазных позиций. «Это были,— характеризовал В. И. Ленин главных представителей легального марксизма,— буржуазные демократы, для которых разрыв с народничеством означал переход от мещанского (или крестьянского) социализма не к пролетарскому социализму, как для нас, а к буржуазному либерализму»¹.

Союз с легальными марксистами В. И. Ленин считал первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. «Благодаря этому союзу,— отмечал он,— была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)»².

Борьба В. И. Ленина с ревизионизмом

На союз с легальными марксистами русские социал-демократы пошли на определенных условиях. Главным здесь являлась возможность для революционных марксистов раскрывать враждебную противоположность интересов рабочего класса и буржуазии, т. е. воспитывать социалистическое сознание пролетариата. В 1895 г. совместно с легальными марксистами был издан сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». Публикуя в сборнике свою статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», В. И. Ленин совершенно ясно отмежевался от автора книги, подвергнув сокрушительной критике все его отступления от марксизма. Еще более резко это было им сделано в положенном в основу статьи реферате. О направленности содержания реферата говорило уже само название его: «Отражение марксизма в буржуазной литературе».

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 96.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 16.

Главный порок книги Струве В. И. Ленин усматривал в том, что ее автор ограничивался лишь признанием необходимости развития капитализма, его объективной закономерности и причинной обусловленности, но закрывал глаза на порождаемые им антагонизмы, не указывал на противостоящие друг другу классы, из которых один класс господствующий, а другой — угнетенный и эксплуатируемый, не становился открыто на точку зрения определенного класса.

Струве «соглашался» с марксовым анализом капитализма, но отвергал «прогноз» Маркса — смену капитализма социализмом. «Если мы,— писал он,— под марксизмом будем разуметь безусловно объективную часть воззрений Маркса и примем во внимание, что его „прогноз“, прямо как таковой, не может иметь безусловно обязательного характера для всякого исследователя (хотя бы и принимающего все остальное учение Маркса), то мы должны будем допустить, что можно быть марксистом, не будучи социалистом»¹. Признавая «марксизм без социализма», Струве давал свой «прогноз», который явился лейтмотивом всей его книги: «Россия из бедной капиталистической страны должна стать богатой капиталистической же страной»².

Таким образом, в полемике со Струве В. И. Ленин ясно обрисовал два принципиально разных подхода к объяснению и критике русского капитализма: идеолог буржуазии доказывает закономерность и прогрессивность капитализма; марксист не ограничивается этим, а вскрывает присущие капитализму непримиримые классовые противоречия и тем самым показывает его исторически преходящий характер.

Как себе представлял Струве будущее капитализма, поскольку он стоял на точке зрения закономерности его развития?

«Экономический прогресс требует социальной реформы»,— писал он. Вслед за немецкими катедер-социалистами (Брента-но, Шульце-Геверницем и др.) он в сущности признавал, что экономический прогресс непосредственно приводит к прогрессу социальному, так сказать, естественно, без всякой классовой борьбы.

Развивая свои оппортунистические мысли, Струве несколько позднее прямо заявил: «Теперь о том насильственном перевороте, который предносился деятелям „Народной воли“, никто серьезно не помышляет». На это Ленин вполне резонно ответил: «Говорите только за себя!.. И какое же это было бы „революционное“ движение, если бы из его участников никто серьезно не помышлял о насильственном перевороте?»³

¹ П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894, стр. 69.

² П. Струве. Указ. соч., стр. 250.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 56.

Реальный смысл выдвинутых Струве реформистских идей в полной мере обнаружился, когда он в своих «Критических заметках» перешел к обсуждению практических вопросов экономической политики. «Разумной» и «прогрессивной» он считал только либерально-буржуазную политику, политику поддержки крупного капитала. Отсюда его знаменитый призыв: «пойдем на выучку к капитализму».

В «Критических заметках» Струве откровенно выступил против учения Маркса о «резком падении, крушении капитализма», т. е. идеи социалистической революции и диктатуры пролетариата, противопоставляя ей борьбу за реформы. На самом же деле борьба за реформы, указывал Ленин, нисколько не противоречит учению «о пропасти и резком падении, так как эта борьба ведется с открыто и определенно признанной целью — дойти именно до „падения“»¹. Идея «крушения» отнюдь не «увлечение» молодого Маркса, как утверждал Струве. Все сочинения Маркса представляют собой не что иное, как обоснование и развитие идеи «крушения капитализма», идеи социалистической революции.

Буржуазно-либеральный характер воззрений Струве особенно наглядно виден из его отношения к государству. Он считал плодом «односторонности» взгляд Маркса и его последователей, что государство является орудием классового господства, что оно есть продукт и свидетельство непримиримости классовых интересов в обществе. «Государство, — заявлял Струве, — есть прежде всего организация порядка». Поэтому отличительный признак государства он видел в наличии принудительной власти. «Принудительная власть, — отвечал на это Ленин, — есть во всяком человеческом общежитии, и в родовом устройстве, и в семье, но государства тут не было»². Струве утверждал, что государство должно сохраниться также и в обществе, в котором уничтожены классы. Он всемерно затушевывал существенный признак государства — наличие особого слоя лиц (бюрократии), в руках которых сосредоточивается власть.

«Легальный марксизм» был первым открытым проявлением ревизии марксизма не только в России, но и на международной арене. Его главный представитель — Струве не случайно гордился тем, что выступил с ревизией марксизма на пять лет раньше Бернштейна, предвосхитив его главные идеи. «Основные мотивы критического поворота в марксизме, — писал Струве в 1902 г., — были предвосхищены, правда, в очень несовершенной и рудиментарной, но все-таки довольно явственной форме в

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 461.

² Там же, стр. 439.

моей книге 1894 года». В свете этого свидетельства особенно ясно выступает значение защиты Лениным революционного марксизма от ревизионистского извращения его со стороны Струве, историческое значение ленинского вклада в борьбу с ревизионизмом на международной арене.

Струве, Туган-Барановский и др. начали с несогласия с «некоторыми» сторонами теории марксизма. Но на этом эволюция буржуазных демократов, рядившихся в марксистский наряд, не закончилась. Под флагом «дальнейшего критического развития» марксизма они захотели привить либерально-буржуазную идеологию рабочему классу и тем самым развратить его сознание. Стало ясно, что революционным марксистам было с ними не по пути. Разрыв с «легальными марксистами» привел к «уходу» последовательных марксистов из легальной прессы. Из союзников бывшие «легальные марксисты» вскоре превратились в злейших врагов революционного марксизма.

В ходе идейной борьбы, которую развернули русские марксисты в конце XIX в. с мелким социализмом либеральных народников не только на страницах нелегальных изданий, но и в легальной печати, явно обрисовались три столкнувшихся между собой мировоззрения: 1) мелкобуржуазный, мелкий социализм, 2) буржуазный либерализм и 3) пролетарский социализм. Каждое из этих мировоззрений выражало точку зрения и интересы основных классов русского общества: класса мелкой буржуазии, главным образом крестьянства, класса капиталистов и рабочего класса. Борьба революционных марксистов с идеологами буржуазной и мелкобуржуазной демократии была не чем иным, как борьбой за гегемонию пролетариата по отношению к массе крестьянства и городской бедноты в назревающей народной революции.

Начальный этап этой идейной схватки, включавший в себя кратковременный союз революционных марксистов с буржуазными демократами в целях ускорения победы над господствовавшим до этого в общественно-политическом движении мелкобуржуазным народничеством, был этапом интенсивной работы марксистской мысли. Он имел место накануне подъема в России массового рабочего движения, наступившего со времени знаменитой «промышленной войны» петербургского пролетариата во второй половине 90-х годов.

Разгром либерального народничества с позиций последовательного марксизма, беспощадная критика ревизионизма В. И. Лениным ясно говорили, на каком идейном фундаменте Ленин призывал русских марксистов строить социалистическую рабочую партию. Это было поистине великим началом закладки идейных основ большевизма, основ ленинизма, основ Коммунистической партии Советского Союза.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»

С приездом В. И. Ленина в августе 1893 г. в Петербург наступил новый период в его деятельности. По характеристике Н. К. Крупской, это был период «чрезвычайно важной, но невидной по существу, незаметной работы... В ней не было внешнего эффекта. Вопрос шел не о геройских подвигах, а о том, как наладить тесную связь с массой, сблизиться с ней, научиться быть выразителем ее лучших стремлений, научиться быть ей близким и понятным и вести ее за собой. Но именно в этот период петербургской работы, — подчеркивала Крупская, — выковался из Владимира Ильича вождь рабочей массы».

После разгрома в 1892 г. брусневской социал-демократической организации уцелели только немногие из ее участников. Двое из них — С. И. Радченко и Г. Б. Красин положили начало организации нового марксистского кружка. В него вступили студенты-технологи Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, студент университета М. А. Сильвин и др. Преемственность кружка с группой М. И. Бруснева выражалась уже в самом его наименовании, под которым он стал известен, — кружок «стариков». Кружок «стариков» отличался высоким уровнем марксистской подготовки его членов и строгой конспирацией. Но он был мало связан с жизнью, с передовыми рабочими. Вскоре после своего появления в Петербурге в группу «стариков» вступил В. И. Ленин.

Вступление в кружок Ленина влило в его работу новую, свежую струю. Теория стала тесно связываться с живой практикой. Этому способствовало то, что Ленин, отличаясь необыкновенно глубоким знанием учения Маркса, умел мастерски применить его к условиям русской действительности, обладал блестящим организаторским талантом и непоколебимой верой в победу рабочего класса.

Начиная с зимы 1893/94 г. участники группы «стариков» широко развернули пропагандистскую работу на заводах и фабриках Петербурга. Ленин руководил рабочими кружками за Невской заставой, на Петербургской стороне и Васильевском острове. Как и другие участники группы, он вел занятия по политической экономии, изучая с рабочими «Капитал» К. Маркса. Один из кружков Ленина собирался в квартире И. В. Бабушкина, рабочего Семянниковского завода.

В своих воспоминаниях Бабушкин рассказывает, как происходили занятия в кружке Ленина: «Лектор излагал нам эту науку словесно, без всякой тетради, часто стараясь вызвать у нас или возражения, или желание завязать спор, и тогда подзадоривал, заставляя одного доказывать другому справедливость своей точки зрения на данный вопрос. Таким образом, наши лекции носили характер очень живой, интересный... Мы все бывали очень довольны этими лекциями и постоянно восхищались умом нашего лектора»¹. Чтобы приучить членов кружка к самостоятельной работе, Ленин раздавал им листки с вопросами, для ответа на которые требовалось наблюдение над заводской и фабричной жизнью. Таким путем достигалась тесная связь кружковых занятий с жизнью, с борьбой рабочих за улучшение своего экономического положения.

Другие члены марксистской группы «стариков» (Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, П. К. Запорожец) также руководили рабочими кружками в разных районах Петербурга. Кое-кто из них вел по два-три кружка. Всего группа «стариков» объединяла около 20—30 рабочих кружков. Число передовых рабочих, входивших в кружки и связанных с группой «стариков», которая постепенно стала играть роль центральной группы, достигало 100—150 человек. Центральная группа насчитывала 10—16 человек и была наиболее законспирированной. Одновременно в Петербурге появились и другие социал-демократические кружки (группа «молодых», кружок Тахтарева).

Переход к агитации. Создание «Союза борьбы»

Постепенно кружковая социал-демократическая пропаганда в Петербурге приобрела значительные размеры. Однако кружки, содействуя росту политического сознания отдельных передовых рабочих, мало затрагивали массу. Вставал вопрос о необходимости перехода от пропаганды в замкнутых кружках к политической и экономической агитации среди массы рабочих. Осенью 1894 г. этот вопрос неоднократно обсуждался в группе «стариков» и на совещаниях представителей рабочих кружков. Энергично отстаивая на этих совещаниях переход к новой тактике — тактике массовой агитации, Ленин при этом полагал возможным воспользоваться опытом агитации на почве повседневных нужд рабочих, накопленным виленинскими социал-демократами и обобщенным ими в рукописной брошюре «Об агитации». Вместе с тем он предостерегал против одностороннего увлечения только экономической агитацией, присущего брошюре, считая необходимым сочетать в агитации

¹ «Воспоминания Ивана Васильевича Бабушкина. 1893—1900 гг.», М., 1955, стр. 44.

повседневные экономические требования с самыми широкими политическими задачами, прежде всего с задачей ниспровержения самодержавия.

Петербургским социал-демократам вскоре представился повод на практике перейти к злободневной экономической и политической агитации. Накануне рождества, в декабре 1894 г., на Невском судостроительном и механическом заводе (бывшем Семянникова) стихийно вспыхнул «бунт» из-за задержки накануне праздников заработной платы. Толпа рабочих разгромила проходную контору и заводскую лавку, разбила стекла в фабричных корпусах. Для подавления волнений были вызваны казаки, полиция, жандармы. Заработная плата рабочим была в тот же вечер выплачена. По поводу этих событий Ленин, при деятельном участии Бабушкина, составил листок к семянниковским рабочим, который был затем переписан от руки в нескольких экземплярах. После праздников листок был распространен в мастерских завода и вызвал весьма сочувственный отклик рабочих. Еще более сильное действие произвел второй листок под названием «Чего добиваться портовым рабочим», выпущенный центральной группой в феврале 1895 г. в связи со стачкой в Новом порту, вызванной произвольным удлинением администрацией рабочего дня. Вслед за этим вновь вспыхнули волнения на Семянниковском заводе, в связи с чем также была выпущена прокламация. Так было положено начало экономической и политической агитации на заводах и фабриках Петербурга.

Это был важный перелом в работе русских социал-демократов, которые в своей деятельности, наконец, вышли за рамки узких кружков и, развернув злободневную агитацию, стали устанавливать прочные связи с рабочей массой, подымая ее на борьбу путем организации стачек. Это обстоятельство не осталось незамеченным царским правительством. Министр юстиции докладывал царю, что пропаганда петербургских марксистов «не прошла бесследно и с конца 1894 года на многих фабриках и заводах стали нередко возникать волнения и беспорядки, выражавшиеся в прекращении работ и устройстве стачек»¹.

В апреле 1895 г. В. И. Ленин уехал за границу, где провел четыре с лишним месяца. Целью его поездки было установление связей с группой «Освобождение труда» и привлечение последней к содействию развивавшемуся русскому рабочему движению, главным образом путем издания популярной марксистской литературы. Ленин побывал в Женеве, Париже и Берлине. Он познакомил Плеханова и других членов группы «Освобождение труда» с состоянием социал-демократического

Группа членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»

¹ «Революционное движение в России в докладах министра Муравьева». СПб., 1907, стр. 24.

движения в России, договорился о совместном издании периодического сборника «Работник» для передовых рабочих.

В состоявшихся беседах Ленина с Плехановым и другими членами группы «Освобождение труда» обнаружилось принципиальное расхождение между Лениным и Плехановым, во-первых, по вопросу о политической роли либеральной буржуазии и, во-вторых, по проблеме русского феодализма и его остатков. Верная постановка последнего вопроса являлась ключом к правильному пониманию роли крестьянства в буржуазно-демократической революции. Между тем Плеханов отрицал применимость термина «феодализм» к истории России. Он был склонен переоценивать значение либеральной буржуазии в борьбе с самодержавием. «Вы поворачиваетесь к либералам спиной, а мы — лицом», — упрекал Ленина Плеханов. Эти взгляды Плеханова в дальнейшем явились исходным пунктом его оппортунистической тактики в русской революции.

Во время пребывания за границей Ленин встречался с виднейшими западноевропейскими социалистическими деятелями — Лафаргом и В. Либкнехтом, слушал в парламентах и на собраниях речи Гэда и Бебеля, работал в крупнейших библиотеках, посещал собрания рабочих в городских предместьях, знакомился с их жизнью и бытом.

Возвращаясь в Россию, Ленин с большим для себя риском, в чемодане с двойным дном, привез партию нелегальной марксистской литературы.

По возвращении Ленина из-за границы центральная группа, идя навстречу быстро разраставшемуся рабочему движению, еще более активизировала свою деятельность. Объединив разрозненные социал-демократические кружки и группы Петербурга, она осенью 1895 г. создала единую и стройную организацию, позднее принявшую название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», и встала во главе его. «Союз борьбы» имел литературный и организационный центр в лице Ленина, Кржижановского, Старкова, позднее пополненный Мартовым и Ваневым; центральная группа руководила районными группами «Союза», которые в свою очередь через рабочих организаторов направляли работу кружков на заводах и фабриках, представляли для них пропагандистов и т. д.

Организация «Союза борьбы» помогла петербургским социал-демократам выйти на широкую арену массовой агитации. Главной задачей рабочих кружков стала подготовка сознательных агитаторов. Массовая агитация путем издания «Союзом» листков, распространения брошюр и формулирования требований рабочих различных мастерских, фабрик и заводов с каждым днем приобретала все больший размах. Вокруг «Союза» стали образовываться рабочие кассы взаимопомощи на случай

стачек. В результате всей этой деятельности «Союз борьбы» превратился в действительно влиятельную организацию.

Соединение социализма с рабочим движением

Осенью 1895 г. начался подъем стачечного движения в Петербурге, послуживший началом полосы подготовки народной революции. В ноябре происходило сильное брожение среди ткачей суконной фабрики Торнтон. Причиной его были снижение расценок и безобразная система штрафов. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», у которого и до этого были связи с фабрикой, с помощью рабочих собрал сведения о положении на фабрике и выступил с листовкой «Чего требуют ткачи», под влиянием которой забастовало 500 ткачей. Через несколько дней «Союз» издал еще одну листовку ко всем рабочим фабрики Торнтон с призывом поддержать ткачей. Стойкость и боевой дух, проявленные торнтоновскими рабочими во время стачки, заставили хозяина пойти на уступки.

Почти одновременно разразилась весьма бурная забастовка папиросниц фабрики Лаферм, по поводу которой «Союз» снова выступил со специальным листком. В декабре произошли новые забастовки и волнения — на Путиловском заводе, на фабрике Кения и др. На стачки «Союз» немедленно откликался выпуском листовок, в которых говорилось о произволе предпринимателей, нищенской жизни и полном бесправии рабочих и формулировались их требования к хозяевам и правительству.

Организованная «Союзом борьбы» массовая агитация вызвала среди рабочих готовность поддержать стачками требования к предпринимателям. Появление листовок на фабриках служило как бы объявлением войны хозяевам, которые передко, не дожидаясь ее, предпочитали идти на уступки.

Ставя перед рабочим движением широкие политические задачи и стремясь к организации рабочего движения в масштабе всей страны, «Союз борьбы» наряду с выпуском листовок приступил к подготовке печатного органа — газеты «Рабочее дело». В передовой статье, написанной Лениным для первого номера газеты, обрисовывалась историческая роль русского рабочего класса и прежде всего выдвигалась задача завоевания политической свободы. Рабочие призывались к борьбе с фабрикантами за человеческие условия жизни, к борьбе с произволом и всевластием правительства. Однако подготовленный номер «Рабочего дела» был захвачен полицией и не вышел.

Встревоженные подъемом стачечного движения, царские власти решили принять «меры». В ночь на 9 декабря были арестованы многие участники «Союза борьбы», в том числе руководящие его деятели Ленин, Кржижановский, Старков, Ванев и др. Но это не остановило развертывавшегося движения. Уже в выпущенном через неделю листке говорилось, что «Союз

борьбы за освобождение рабочего класса» «остаётся невредимым и будет продолжать свое дело. Полиция ошиблась в адресе. Ничто не может прекратить стачек и борьбы, пока рабочий класс не освободится вполне от гнета капиталистов»¹. «Союз борьбы» продолжал пополняться новыми силами. Через две-три недели снова закипела работа в кружках и возобновилась агитация с помощью листовок и брошюр.

Хотя в начале января 1896 г. были произведены новые аресты, листки продолжали регулярно появляться на фабриках и заводах; их получали по почте фабричные инспекторы и даже жандармское управление и градоначальник. Рабочие не переставали говорить о листках. Под влиянием этой агитации произошли новые стачки и волнения на фабрике Лебедева, в Новом адмиралтействе, на Сампсониевской мануфактуре, в мастерских Варшавской железной дороги, на бумагопрядильне Воронина, на Сестрорецком и Балтийском заводах. Особенно сильное действие произвел первомайский листок «Союза борьбы» 1896 г., выпущенный в количестве свыше 2 тыс. экземпляров. Вызванный им подъем боевого духа среди рабочих подготовил почву для грандиозной стачки текстильщиков Петербурга.

Небывалый успех агитации на экономической почве и теоретическая неподготовленность части социал-демократов — интеллигентов породили одностороннее увлечение экономической борьбой и забвение политики. Постепенно это увлечение переросло в целое направление, получившее название «экономизма». Вспоминая об этом времени, Н. К. Крупская писала: «„Экономизм“ носился в воздухе: успех, который имела агитация среди рабочих на экономические темы, кружил голову. Противостоять экономизму могли лишь те, у кого была более или менее серьезная революционная подготовка, кто отчетливо представлял себе задачи развития рабочего движения»². «Экономизм» в Петербурге в то время был представлен группой «молодых» социал-демократов из числа студентов-технологов, группой Тахтарева, состоявшей из студентов-медиков, и некоторыми другими социал-демократами.

Однако в период деятельности в Петербурге группы «стариков» «экономизм» не выходил из зародышевого состояния, проявляясь главным образом в спорах в местных кружках, в обвинениях «стариков» в централизме, «диктатуре» и т. п. Поэтому идейное единство социал-демократии не нарушалось. Ее главное внимание было направлено на борьбу с народничеством и развитие практической партийной работы. Только с арес-

¹ «Рабочее движение в России в XIX веке», т. IV, ч. 1. М., 1961, стр. 41.

² «Первый съезд РСДРП. Документы и материалы». М., 1958, стр. 130.

гом «стариков» и постепенным возобладанием в петербургском «Союзе борьбы» молодых социал-демократов «экономизм» стал приобретать силу, пока, наконец, с середины 1898 г. не сделался на время господствующим течением.

Историческое значение «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» очень велико. Он дал пример социал-демократической деятельности: наряду с пропагандой научного социализма «Союз» развернул широкую агитацию среди рабочих, принимая участие во всех проявлениях борьбы рабочего класса, во всех столкновениях рабочих с капиталистами из-за рабочего дня, заработной платы, условий труда и т. п., помогая им точнее формулировать свои требования к хозяевам. Развивая классовое сознание пролетариата, он связал борьбу за социализм с пропагандой в массах демократических лозунгов и требований. Зная, что всякая классовая борьба есть борьба политическая, деятели «Союза» стремились использовать каждое проявление полицейского гнета и насилия для политической агитации против самодержавия.

Таким образом, русская социал-демократия, представленная вначале группой «Освобождение труда» и немногими группами внутри России, к середине 90-х годов, завладев умами лучшей части революционной молодежи, сделалась составной частью массового движения рабочего класса. Так начало осуществляться соединение великих социальных и политических идеалов с классовой борьбой пролетариата, соединение научного социализма с рабочим движением. Преобразовательные стремления русских революционных марксистов отныне стали опираться на твердую почву — экономическую и политическую борьбу пролетариата. Это сразу придало им громадную политическую силу.

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был первым зачатком революционной марксистской партии, опиравшейся на рабочее движение и руководившей классовой борьбой пролетариата против капитала и абсолютизма. Создание «Союза борьбы» знаменовало собой начало нового периода в истории освободительного движения в России, когда русская социал-демократия встала во главе рабочего движения.

Глубина народного движения, начавшегося в России с подъемом стачечной борьбы фабрично-заводских рабочих в середине 90-х годов, особенно ярко проявилась в майско-июньской стачке текстильщиков Петербурга в 1896 г., названной В. И. Лениным «знаменитой промышленной войной». Продолжением этой забастовки явилась январская стачка 1897 г. Именно с этих пор рабочее движение неизменно выступает как самый могучий фактор русской революции.

Петербургская «промышленная война»

Ближайшим поводом к исторической стачке 1896 г. послужил отказ петербургских фабрикантов выдать рабочим обычную заработную плату за дни «коронационных торжеств», которые они вынуждены были «прогулять» (свои верноподданные чувства фабриканты хотели выразить за счет кармана рабочих!). В ответ на это 27 мая дружно забастовали рабочие Российской (Калининской) и Екатерингофской мануфактур. 28 мая стали бумагопрядильня Кенига и Митрофаньевская мануфактура. В последующие три-четыре дня забастовка распространилась на другие петербургские мануфактуры. В стачке приняло участие свыше 30 тыс. текстильчиков.

Главным требованием петербургских стачечников была не столько оплата за коронационные дни, сколько сокращение рабочего дня. Общие требования всех рабочих получили окончательное оформление на тайном собрании представителей рабочих бастующих фабрик, состоявшемся в конце мая в Екатерингофском парке. Они были тотчас же изданы «Союзом борьбы» в виде листка под названием «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен». В листке говорилось:

«Мы хотим, чтобы рабочий день у нас везде продолжался от 7 час. утра до 7 час. вечера, вместо теперешних 6 час. утра до 8 час. вечера.

Чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, рабочий день продолжался до 10¹/₂ ч. вместо 13.

Чтобы расценки везде были повышены...

Чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 часа...

Чтобы было сполна заплачено за коронационные дни».

Рабочие отстаивали выдвинутые ими требования, по признанию самих властей, с редкой выдержкой, «стойкостью, дисциплиной и благопристойностью». Это, разумеется, не было случайностью. Под влиянием непрерывной социал-демократической агитации классовое сознание рабочих сильно выросло. На фабриках создавалась атмосфера, насыщенная духом недовольства и борьбы.

Одновременно начались волнения среди металлистов Невского, Путиловского и других заводов. Поднялся на ноги весь рабочий Петербург. Собрания на фабриках и за городом проходили непрерывно. «Союз борьбы» развернул энергичную деятельность, выпуская листок за листком о положении на отдельных фабриках, обращения ко всем рабочим Петербурга. Всего за время стачки «Союзом» было издано 13 прокламаций. Социал-демократическая агитация приобрела небывалые размеры.

Правительство встревожилось не на шутку. Начались полавальные обыски, аресты и высылки «на родину».

Вместе с тем кое-какие требования рабочих фабриканты удовлетворили, другие правительство обещало рассмотреть впо-

следствии. Угрозами и подачками упорство стачечников было сломлено. Одна фабрика за другой стали возобновлять работу. 18 июня стачка прекратилась.

Петербургская стачка заставила заговорить о себе. Правительство вынуждено было сообщить о ней в специальном извещении, которое перепечатали все газеты. Весть о стачке облетела всю Россию и встретила сочувственный отклик у рабочих за рубежом.

Стачка стоила петербургскому пролетариату огромных жертв. Одних арестованных было свыше 1000 человек. Однако рабочие и не думали отступаться от своего главного требования — сокращения рабочего дня. Поскольку правительство не намеревалось выполнять свои туманные обещания на этот счет, зимой на фабриках Петербурга снова началось еще более сильное брожение. «Союз борьбы» в листках напоминал о необходимости борьбы за сокращение рабочего дня.

2 января 1897 г. снова забастовали рабочие Петровской и Спасской мануфактур (Максвеля). Правительство, не забывшее стачку 1896 г., переполошилось. По фабрикам было разослано объявление о подготовке законопроекта об урегулировании рабочего дня. Фабрикантам было разрешено, не дожидаясь издания закона, приступить к сокращению рабочего дня. Тем временем стачка разрасталась. Забастовавшие рабочие предъявляли майские требования. К стачке на этот раз присоединились Александровский, Невский и частично Путиловский заводы. Всего бастовало до 20 тыс. человек. Однако уже через неделю путем репрессий и новых обещаний сократить к весне рабочий день правительству удалось сломить сопротивление рабочих и подавить январскую стачку.

Громадное историческое значение майской стачки текстильчиков Петербурга, продолжением которой явилась январская стачка, было оценено В. И. Лениным в следующих словах: «1896-ой год: петербургская стачка нескольких десятков тысяч рабочих. Массовое движение с началом уличной агитации, при участии уже целой социал-демократической организации. Как ни мала еще... эта почти исключительно студенческая организация, все же ее сознательное и планомерное социал-демократическое вмешательство и руководство делают то, что движение приобретает гигантский размах и значение против морозовской стачки. Правительство опять идет на экономические уступки. Стачному движению по всей России положено прочное основание»¹.

Благодаря руководству стачками со стороны «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» разрозненные забастовки на

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 250—251.

текстильных фабриках Петербурга были слиты в единую мощную общую стачку, борьба за насущные нужды переросла в классовую борьбу, частные требования, предъявленные рабочими отдельных фабрик, были обобщены в едином требовании повсеместного ограничения рабочего дня. Таким образом, экономическая борьба рабочих против тех или иных капиталистов по существу поднялась на ступень политической борьбы, направленной против всего класса капиталистов и стоявшего на страже их интересов самодержавия.

Под напором этого небывалого по силе движения в рабочем классе, проходившего под руководством социал-демократии, правительство вынуждено было поспешно уступить. 2 июня 1897 г. был издан закон о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах (при дневной работе — до 11½ час., а при ночной — до 10 часов в сутки) и об установлении праздничного отдыха.

Закон 2 июня 1897 г. свидетельствовал об огромном успехе русского рабочего движения. Поскольку закон имел силу для всей страны, полем борьбы рабочих с фабрикантами за применение нового закона скоро сделалась вся Россия.

Подъем массового рабочего движения

Наряду с Петербургом в середине 90-х годов происходит подъем стачечной борьбы и в других промышленных центрах. В апреле 1895 г. из-за снижения расценок вспыхнула бурная стачка 7 тыс. рабочих Большой Ярославской мануфактуры Корзинкина. Вызванные для ее подавления части 2-го гренадерского Фанагорийского полка стреляли по толпе рабочих. 6 человек было убито и 18 ранено. На рапорте командира полка об этой зверской расправе над безоружными рабочими Николай II написал: «Спасибо молодцам фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков». Таким образом, новый царь встретил подымавшееся рабочее движение усилением кровавых репрессий. Это больше, чем что-либо другое, свидетельствовало о бессилии правительства. Не случайно Ф. Энгельс всего за два месяца до ярославской стачки, перефразируя Гете, пророчески писал: «И уж если дьявол революции схватил кого-либо за шиворот, так это — Николая II»¹.

Петербургские стачки 1896—1897 гг. способствовали пробуждению сознания и поднятию боевого духа рабочего класса всей России. Непосредственным отголоском их явились стачки в Москве летом 1896 г. в мастерских Курской и Смоленской железных дорог, волнения на заводе Гужона, на Измайловской и Прохоровской мануфактурах и т. д. Московский «Рабочий

союз» организовал большую сходку рабочих и выпустил листовку, призывая поддержать рабочих Петербурга.

В декабре 1897 г. вспыхнула общая стачка на текстильных фабриках Иваново-Вознесенска. Стачка выделялась своей организованностью и сплоченностью, что объяснялось участием в ней местной социал-демократической организации — «Иваново-Вознесенского рабочего союза». Всего бастовало до 14 тыс. рабочих. Стачка длилась свыше трех недель.

Но одновременно с этим в ряде забастовок второй половины 90-х годов еще явно сохраняются черты старых «бунтов». Стачки в январе 1897 г. и в апреле 1899 г. на фабрике Коншина в Серпухове, забастовка в июле 1899 г. на Сормовском заводе, волнения в мае 1898 г. на Александровском заводе в Екатеринославе сопровождались битьем стекол в фабричных зданиях и директорских квартирах, разбрасыванием инструментов, разгромом фабричных лавок и т. п.

Всего во второй половине 90-х годов на фабриках и заводах, подчиненных фабричной инспекции, было следующее количество стачек¹:

Годы	Число стачек	Бастовавших рабочих	Из них	
			текстильщицков	металлистов
1895	68	31 195	26 350	2 201
1896	118	29 527	25 235	2 359
1897	145	59 870	50 161	3 157
1898	215	43 150	29 281	7 116
1899	189	57 498	26 864	19 603

В среднем ежегодно происходило 147 стачек с участием свыше 44 тыс. бастующих. В самом конце века наряду с текстильщиками большую роль в стачках начинают играть металлисты. 62% всех стачек в эти пять лет были коллективными, что говорит о росте организованности и солидарности в рядах рабочего класса. Однако в большинстве случаев стачки оканчивались не в пользу рабочих. Стачки были не столько выигранными сражениями, сколько необходимой школой борьбы.

Стачки второй половины 90-х годов знаменовали собой наступление нового этапа рабочего движения — этапа массовой

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М., 1951, стр. 338.

¹ В. Е. Варзар. Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895—1904 гг. СПб., 1905, стр. 22, 17.

организованной борьбы. Хотя стихийный элемент еще не был изжит, но он уже имел меньшее значение. Ведя в эти годы в основном экономическую борьбу, в ряде случаев наступательную, рабочий класс одновременно получает и уроки политического воспитания, поскольку всякая стачка в обстановке самодержавного режима неизбежно превращалась в акт политической борьбы, закалявшей, сплачивавшей и просвещавшей рабочий класс.

Так со времени стачек петербургских текстильщиков началась полоса непрерывного массового рабочего движения, тесно связанного с социал-демократическим движением. Поднятие рабочего движения на новую ступень явилось исторической заслугой молодой русской социал-демократии.

8

Первый съезд РСДРП

Период с конца 1894 до начала 1898 г., отмеченный интенсивной деятельностью ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», был знаменательным для социал-демократического и рабочего движения не только в столице России — Петербурге, но и во всей стране. В. И. Ленин следующим образом характеризовал этот период: «С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи... Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросам легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, „ни на минуту“ не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы»¹.

В это время социал-демократические организации и кружки возникают почти во всех более или менее крупных городах и промышленных местностях центральной России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья и Сибири. Тяга к объединению и сплочению среди социал-демократических деятелей и передовых рабочих приводит к появлению «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса» и «Рабочих союзов» в Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве, Екатеринославе и Западном крае.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 180—181.

«Союзы борьбы» и социал-демократические группы повсюду переходят от пропаганды в узких кружках к широкой экономической и политической агитации в массах рабочих.

Уже в 1895 г. в Москве социал-демократические рабочие кружки объединились в «Рабочий союз», который, как и петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», стал переходить от пропаганды к агитации на почве повседневных нужд рабочих. На первой нелегальной маевке, проведенной в том же году, присутствовало до 300 человек. Московский «Рабочий союз» налаживал систематический выпуск листовок и популярных брошюр для рабочих, руководил стачками.

В следующем году «Союз» сумел собрать под приветственным адресом, посланным парижским рабочим по случаю 25-летия Парижской Коммуны, подписи 605 рабочих, занятых на 28 крупных фабриках и заводах Москвы. Союз поддерживал регулярную связь с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и с группой «Освобождение труда». Его влияние распространялось на многие подмосковные промышленные местности. Последовавшие вскоре аресты сильно ослабили «Рабочий союз», но он все же продолжал свою деятельность. Стремясь поддержать в 1896 г. стачку текстильщиков в Петербурге, «Рабочий союз» проводил интенсивную подготовку всеобщей стачки рабочих фабрик и заводов Москвы. Властям и капиталистам путем некоторых уступок рабочим и репрессий по отношению к «вожакам» стачку удалось предотвратить. В начале 1898 г. «Рабочий союз» принял наименование московского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Одновременно с московским «Рабочим союзом» возник «Иваново-Вознесенский рабочий союз», наиболее деятельные и энергичные участники которого (Ф. А. Афанасьев, Н. И. Махов, М. А. Багаев) выступали как вожаки и агитаторы во время крупных стачек текстильщиков Иваново-Вознесенского района. Видную роль в «Союзе» играли интеллигенты социал-демократы С. П. Шестернин, О. А. Варенцова. Союз содействовал образованию социал-демократических групп в Шуе и Кохме, поддерживал связи с московским «Рабочим союзом».

В ряде других городов Центрально-промышленного района, Поволжья, Урала, Сибири и Юга — в Твери, Ярославле, Костроме, Туле, Нижнем Новгороде, Казани, Саратове, Орле, Екатеринбурге, Уфе, Томске, Чите, Ростове-на-Дону и др. продолжали существовать и вновь создавались социал-демократические кружки, не прекращалась социал-демократическая пропаганда, во время стачек и на маевках велась агитация и т. п.

На Украине наиболее сильной социал-демократической организацией была киевская. Под влиянием опыта петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и стачки

текстильщиков 1896 г. социал-демократические кружки и группы Киева также перешли к агитации в массах. Только в 1897 г. на 25 фабриках и заводах было распространено 6,5 тыс. листовок. Доказывая необходимость перехода от пропаганды к широкой агитации, один из деятелей киевской социал-демократической организации, Ю. Д. Мельников, образно говорил: «Лучше поднять массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж». В этом же году социал-демократические кружки Киева объединились в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Еще в 1896 г. из киевских социал-демократов, отстаивавших наряду с борьбой за повседневные интересы рабочих необходимость политической борьбы, выделилась самостоятельная группа (Ю. Д. Мельников, Б. Л. Эйдельман, П. Л. Тучапский, Н. А. Вигдорчик), которая после ареста основного ядра петербургского «Союза борьбы» взяла на себя почин издания общерусского печатного органа — «Рабочей газеты». Она установила связи с социал-демократическими организациями Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Екатеринослава, Харькова, Одессы, Николаева и Вильны.

Вслед за Киевом «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» образовался также в Екатеринославе. Видными деятелями его были ученик В. И. Ленина И. В. Бабушкин и участник созданного Лениным марксистского кружка в Самаре И. Х. Лалаянц. «Союз борьбы» организовал рабочие социал-демократические кружки на всех крупных заводах города и его окрестностей. Он развернул широкую агитацию в рабочих массах, выпускал листки, организуя стачки. Влияние екатеринославского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» распространялось на весь промышленный юг Украины.

В конце 90-х годов усиливаются пропаганда марксизма и деятельность социал-демократических кружков в Закавказье. Революционное крыло грузинской социал-демократической организации «Месаме-даси» («Третья группа») в составе А. Г. Цулукидзе, В. З. Кецховели, И. В. Сталина, М. Г. Бочоридзе и др. начинает играть роль центральной группы. Не ограничиваясь объединением социал-демократических кружков Тифлиса, группа устанавливает связи и помогает налаживать работу в Батуме и Баку. По примеру петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» здесь также осуществляется переход от кружковой пропаганды к тактике массовой агитации на мавках и во время стачек.

Социал-демократические организации в Польше и Литве, пустившие глубокие корни в рабочем движении, в лице своих лучших интернационалистских элементов выступали за прочный союз с русским революционным движением. Значительные

размеры приобретает социал-демократическое движение в Латвии и Эстонии.

Социал-демократические кружки и «кассы борьбы», объединившие еврейский ремесленный пролетариат в Западном крае, в 1897 г. образовали единую организацию — «Всеобщий еврейский рабочий союз в России и Польше» («Бунд»).

Таким образом, к концу XIX в. почти вся Россия покрылась сетью социал-демократических организаций, кружков и групп. Но они не были сплочены в единую организацию, не были объединены в партию. Начало созданию партии было положено созывом первого съезда РСДРП.

I съезд РСДРП

Сразу же после создания петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» В. И. Ленин поставил задачу подготовки созыва первого съезда РСДРП. В ночь на 9 декабря 1895 г. Ленин был арестован. В тюрьме он составил «Проект программы» будущей партии. Летом 1896 г. Ленин пишет «Объяснение программы». Тогда же по его поручению Н. К. Крупская совершила поездку на юг для встречи с киевскими социал-демократами по вопросам подготовки съезда. Однако ссылка Ленина и других революционных социал-демократов в Сибирь и постепенное усиление в «Союзе борьбы» влияния «экономистов» исключили возможность продолжения этой работы. Инициативу созыва съезда взяла на себя хорошо законспирированная киевская социал-демократическая группа «Рабочей газеты». Ее участники осуществили объезд крупнейших социал-демократических организаций с целью приглашения их на съезд. Группа разработала порядок дня съезда.

Первый съезд собрался в марте 1898 г. в Минске. На нем присутствовало всего девять делегатов — от петербургского, московского, киевского и екатеринославского «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы «Рабочей газеты» и «Бунда».

Съезд принял решение слить все «Союзы борьбы», кружки и организации русской социал-демократии в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию. Слово «российская» в названии партии означало, что она объединяет в своих рядах не только русских пролетариев, но и пролетариев всех национальностей России, что партия строится на принципах интернационализма. Одновременно съезд высказался за признание за каждой нацией права на самоопределение.

Съезд сформулировал некоторые основные положения организационного построения партии: высшим органом партии был признан съезд, а исполнительным органом — Центральный комитет; местные организации партии стали называться комитетами; наряду с признанием принципа централизма съезд

высказался за автономию местных комитетов, при этом особо была оговорена автономия «Бунда».

В избранный на съезде Центральный комитет вошли С. И. Радченко (делегат петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»), Б. Л. Эйдельман (представитель группы «Рабочей газеты») и А. И. Кремер (делегат «Бунда»). Официальным органом партии была признана «Рабочая газета».

В выпущенном от имени съезда Манифесте определялись ближайшие и конечные цели РСДРП, указывалось, что социал-демократия продолжает социалистические и демократические традиции всего предшествовавшего революционного движения в России. В Манифесте подчеркивалось, что русскому пролетариату прежде всего необходима политическая свобода. Однако завоевание политической свободы есть лишь первый шаг к осуществлению исторической миссии пролетариата, которая состоит в создании такого общественного строя, в котором не будет эксплуатации человека человеком. Перед пролетариатом ставилась задача борьбы за полную победу социализма. При этом в Манифесте совсем не говорилось о том, что главным средством достижения пролетариатом социалистических целей является завоевание им политической власти (диктатуры пролетариата). Этот недостаток Манифеста был исправлен В. И. Лениным в комментариях к нему, в которых Ленин не только подчеркивал необходимость завоевания пролетариатом политической власти, но и развил идею союза пролетариата и крестьянства, идею гегемонии пролетариата по отношению к крестьянству.

Опубликование Манифеста и решений I съезда, провозгласивших общие идейные и организационные принципы российской социал-демократии, явилось крупным шагом в ее развитии.

Однако I съезду не удалось до конца выполнить свою задачу: не были выработаны программа и устав партии; и после съезда не было руководства из одного центра, и поэтому не могло быть единой линии в работе местных организаций. К тому же избранный на съезде Центральный комитет вскоре был арестован. «Рабочая газета», признанная официальным органом партии, перестала выходить.

В период после I съезда партия, как писал В. И. Ленин, превратилась «в бесформенный конгломерат местных партийных организаций (называвшихся комитетами). Единственная связь, объединявшая эти местные комитеты, была идейная, чисто духовная связь»¹. Эта связь способствовала усилению единства в рядах социал-демократов на местах, породила сознание, что каждый местный комитет есть часть единого целого.

Историческое значение I съезда заключается в том, что он провозгласил создание Российской социал-демократической партии, основал ее. Съезд завершил собой важный период в развитии русской социал-демократии, когда в результате слияния социализма с рабочим движением возникает единое социал-демократическое движение, когда социал-демократия появляется на свет как политическая партия, опирающаяся на рабочее движение.

Таким образом, весь ход общественного развития в 80—90-х годах наглядно свидетельствовал, что многонациональный пролетариат России с невиданной быстротой вырос в громадную политическую силу. Он первый из всех классов русского общества создал собственную политическую партию, выступившую вождем народа в революциях XX в., партию, которая возглавила Великую Октябрьскую социалистическую революцию, открывшую эпоху всеобщего революционного обновления мира — эпоху перехода от капитализма к социализму.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 9, стр. 51.